

АНАТОЛИЙ БЕЛЯЕВ

АНАТОЛИЙ БЕЛЯЕВ

Геолог. Автор сборников геологических рассказов, комедий, повестей: «Укушенные», 2003; «Загадка острова Гогланд», 2008; «У костра», 2004, 2008; «Геологические практики», 2011; «Судьба геолога», 2013; «Территория геологии», 2016; «Солнце моё», 2018.

Сайт Анатолия Беляева: <http://www.abel-2.ru>

СТАРИК И НЕБО

ПОВЕСТЬ
ожерелье маленьких новелл

АНАТОЛИЙ БЕЛЯЕВ

СТАРИК И НЕБО

повесть

ожерелье маленьких новелл

В повести рассказывается о приключениях в геологической экспедиции на Южном Урале, и замечательных людях, проживавших на маленькой железнодорожной станции Речная.

Автор выражает благодарность генеральному директору фирмы «Сидосе» Юхалину Павлу Владимировичу за финансовую помощь при издании повести.

Скорый пассажирский поезд мчался в сторону Уральских гор. Протяжные гудки локомотива летели впереди, оповещая мир о приближении состава. За окном с грохотом пролетали фермы железнодорожных мостов, мелькали ручьи и реки, густые леса вплотную подступали с обеих сторон, и вдруг распаивались широкими просторами бескрайних степей. Теплый ветер с запахами луговых трав и нагретой хвои струился через приоткрытое окно, и колыхал белые полотняные занавески. По вагону распространялся знакомый, едва уловимый запах дыма от горящего в бойлере каменного угля – проводница кипятила воду для утреннего чая.

В своей геологической жизни только по железной дороге я проехал расстояние в две длины экватора. Довелось увидеть изумительные красоты природы: горы, степь, тайгу и тундру, северные моря и Атлантический океан, повстречать много замечательных людей, познакомиться с их судьбами, порой совсем не легкими, а чаще счастливыми. Вот и сейчас скорый поезд вез меня в долгожданную геологическую экспедицию изучать граниты рапакиви знаменитого Бердяушского массива.

Граниты рапакиви давно известны людям. В восемнадцатом веке их добывали как строительный камень, в южной Финляндии и Карелии. Из них вырубил гигантский блок для самого большого в мире монумента – Александровской колонны на Дворцовой площади, фундаменты многих зданий Санкт-Петербурга, дворцы, набережные Невы, и колоннада Исаакиевского собора сделаны из этого гранита, на Сенатской площади на валуне из гранита рапакиви Петр Первый вздыбил бронзового коня.

Рапакиви самые известные среди гранитов. Они встречаются на всех континентах Земли и, порой, слагают огромные массивы, занимающие на поверхности площади в тысячи квадратных километров, и уходящие на глубину до десяти километров. Происхождение этих гранитов всегда вызывало у геологов жаркие споры, и самым сложным был вопрос – как более миллиарда лет тому назад в земной коре образовались гигантские объемы гранитной магмы. Более двадцати лет я изучал рапакиви и схожие с ними граниты в Карелии, Финляндии, Китае и на Дальнем Востоке, и вот, наконец, долгожданная экспедиция на Урал. Я еще не знал, что именно на Урале мне доведется понять, как же формируются в земной коре массивы гранитов рапакиви.

Экспедиция состояла всего из двух человек: меня – старшего научного сотрудника Ленинградского государственного университета, начальника отряда, и коллектора Алексея Шебанова, студента третьего курса кафедры минералогии. Его настоятельно рекомендовал взять в экспедицию заведующий кафедрой минералогии, профессор Андрей Глебович Булах.

В качестве путеводителя у нас была замечательная монография академика Александра Николаевича Заварицкого «Петрография Бердяушского Плутона», 1937 года издания. В 1930 году всего лишь за месяц полевых исследований Заварицкий вместе со студенткой Ленинградского горного института Л.Г. Кваша собрали интереснейшие образцы, и составили геологическую карту массива. Алексей вслух зачитывал главы из книги, в которых приводилось описание обнажений горных пород, и их местоположение. Фактически это были записи из полевого дневника геолога.

– Учитель, – так Алексей упорно называл меня при всех, несмотря на мои возражения, – посмотрите, как написано, настоящая геологическая классика, все просто, понятно и обстоятельно, теперь, я буду также вести свой полевой дневник.

– В 1934 году Заварицкому была присуждена ученая степень доктора геологических наук без защиты диссертации, а через шесть лет он стал академиком и потом дважды лауреатом Сталинской, и Ленинской премии. Если будешь ему подражать, то, быть может, и тебя найдут слава, звания и награды.

– Интересно, почему краткое содержание работы на английском языке, которое по правилам должно составлять одну или две страницы, в этой монографии занимает сорок восемь полновесных страниц?

– Видишь, на обложке написано: «К XVII Международному геологическому конгрессу». Заварицкий организовал и проводил международную Уральскую экскурсию в 1937 году. Эта книга была издана как путеводитель геологической экскурсии, так что мы будем посещать известные всему миру геологические обнажения. Между прочим, в честь Заварицкого названы: минерал «заварицкит», вулканическая трубка на Подкаменной Тунгуске, вулкан на Камчатке, ледник на Курильских островах и скалы на земле Франца-Иосифа, его имя присвоено Институту геологии и геохимии Уральского филиала Академии Наук.

– Учитель, неужели мы сможем открыть что-нибудь новое после исследований такого великого ученого?

– Все в наших руках.

– Так говорил дрессировщик, которого, в конце концов, задрал и съел его подопечный лев, – съехидничал коллектор.

***

Алексей отправился к бойлеру за кипятком, но вернулся в компании с девушкой проводницей. Она принесла нам четыре стакана чая в традиционных подстаканниках. В поездах я всегда сам завариваю крепкий чай, но, раз принесли, отказываться неудобно.

– Знакомьтесь, это новая проводница, башкирская красавица Айгуль Юлаева. В переводе с тюркского Айгуль – Лунный цветок, поэтично, правда?

Девушка и вправду олицетворяла классическую восточную красоту: большие выразительные глаза, блестящие локоны, брови вразлет, стройная фигура, изящная осанка, и обаятельная застенчивая улыбка, которая любую женщину делает привлекательной, а красивую вдвойне.

– А где же наша бывшая проводница?

– Она неожиданно заболела, ночью ее сняли с поезда и отправили в больницу, а меня сюда перевели из другого вагона.

– Что значит надпись «Уралым», на вашей футболке? – заинтересовался Алексей.

– В переводе с башкирского Уралым – мой Урал. Так называется песня Салавата Юлаева, башкирского национального героя, батыра, поэта и сказителя, – с гордостью ответила девушка, – в честь его мы назвали сына, и теперь он тоже Салават Юлаев. Угощайтесь, – она поставила рядом со стаканами маленькую стеклянную баночку, – это наш знаменитый башкирский мед.

– Спасибо, посидите с нами, – попросил я.

– Нам не положено пить чай с пассажирами. Бригадир у нас строгий, может наказать.

– Пожалуйста, – взмолился Алексей, – вы чай не пейте, а только посидите.

Девушка присела на краешек лавки.

– Вы, случайно, не родственница легендарного батыра?

– Я принадлежу к древнейшему куваканскому башкирскому роду, а мой муж к роду кудей, как и Салават Юлаев.

– Расскажите нам о национальном герое Башкирского народа.

– Салават Юлаев был участником Крестьянской войны и сподвижником Емельяна Пугачева, в городе Сатка располагался один из центров вооружённых сил восставших, но 30 мая 1774 правительственные войска под командованием полковника Михельсона разбили отряды Пугачёва и Салавата Юлаева. В этом сражении батыр был ранен. Перед отступлением пугачёвцы сожгли Сатку, жители и крепостные заводчика Лугинина ушли вместе с восставшими в леса. Пугачёв привёл в порядок свои войска и снова появился у Саткинского завода, но 5 июля был вновь разбит правительственными войсками.

– Как хорошо вы знаете российскую историю.

– Мама работает в краеведческом музее города Сатка.

– А какова дальнейшая судьба Салавата Юлаева?

– После поражения восстания и ареста Пугачева он продолжил борьбу против правительственных войск, но 25 ноября 1774 был взят в плен, судим, и вместе со своим отцом сослан на каторгу в крепость Рогервик, ныне это город Балтийск в Эстонии, где пробыл 26 лет до своей смерти в 1800 году.

– Спасибо, очень интересный рассказ, а какие достопримечательности есть в городе Сатка?

– В 1756 году был основан Троице-Саткинский чугуноплавильный и железоделательный завод, которым владел граф А.С. Строганов, и сейчас на нем идет производство ферросплавов. В 1898 году на горе Карагай вблизи Саткинского завода были обнаружены залежи синего камня «магнезита» – карбоната магния, он является сырьем для производства

высококачественных огнеупоров. Был построен завод по производству огнеупорных изделий «Магнезит», продукция которого в 1905 году на Всемирной промышленной выставке в бельгийском городе Льеже была удостоена золотой медали. Производство огнеупоров на комбинате «Магнезит» продолжается до сих пор и очень востребовано.

– Вы настоящая патриотка родного края.

– Урал это стеновой хребет России, – с гордостью произнесла Айгуль.

– Еще говорят, Москва это голова России, а Урал ее сердце, – поддержал я энтузиазм девушки.

– Вы геологи? Зачем пожаловали к нам на Урал?

– Будем изучать знаменитый на весь мир Бердяушский массив гранитов рапакиви.

– Я о таком и не слышала, где он находится, в городе Бердяуше?

– Нет, граниты рапакиви слагают большой горный массив между городами Сатка и Бердяуш.

– Это такая огромная гора слева по дороге на Сатку?

– Совершенно верно. Вы, случайно, не знаете, где там можно арендовать недорогое помещение под геологическую базу около Сатки.

Я достал и разложил на столике километровую топографическую карту района.

– Случайно знаю, – Айгуль быстро сориентировалась и показала точку на карте, – вот здесь, на тринадцатом километре перегона Бердяуш–Бакал на берегу речки Большая Сатка находится непассажи́рская станция Речная, в одном из железнодорожных домов живет моя сводная сестра с маленькой дочкой, она замужем за начальником станции. Одна квартира в их доме совершенно пустая, мы с мужем там останавливались, когда у них гостили. Хотите, во время остановки в Бердяуше я позвоню на станцию, и попрошу, чтобы вас пустили жить в эту квартиру?

– Огромное спасибо!

Я угостил девушку горьким пористым шоколадом, который получал вместо молока, положенного мне за работу с ядовитыми жидкостями. Специально для экспедиции накопил десять плиток.

Мне нравилось снимать помещения под геологические базы на железнодорожных полустанках и разъездах, грохот проходящих составов действовал умиротворяюще, настоящая музыка железных дорог. Много раз во время геологических экспедиций я останавливался в железнодорожных бараках, а в Южной Карелии, на станции Койриноя пятнадцать лет снимал квартиру под базу. Смотреть приятно не только на огонь и на воду, но и на проходящие поезда. Вот, и теперь повезло на Урале.

– Тогда и у меня будет к вам просьба, передайте гостинцы моей сестре и ее дочери, детские вещи, апельсины, мед, и, заодно, вашу шоколадку.

– Оставьте подарок себе, для вашей сестры у меня есть шоколад, как ее зовут?

– Ирина, в городе она была королевой дискотек, и вдруг замужество, поселок в четыре дома, даже пообщаться не с кем. Скучно ей живется на станции, когда мы по телефону разговариваем, она иногда плачет, только ее мужу об этом не рассказывайте, она его очень любит. Он хороший парень, честный, справедливый, не курит и не пьет. Для его отца я специально выменяла пачку дешевых сигарет за банку меда.

– Ничего себе обмен? – удивился Алексей.

– Вы что не знаете? На Южном Урале страшный дефицит табачных изделий, карточки на сигареты и папиросы не отоваривались уже несколько месяцев, в Челябинске прошли табачные бунты, и курильщики громили табачные киоски, а в деревнях машину сена нынче меняют на две пачки махорки. Даже спекулянты оказались не готовы к такому уровню дефицита, их просто грабят и отнимают табак.

Да, на станции вашими соседями будут замечательные старики пенсионеры. Мы гостила у сестры, когда они отмечали

рубиновую свадьбу – сорок лет совместной жизни. В молодости обручальных колец у них не было, и дети купил им в подарок золотые обручальные кольца с рубинами. Удивительно обаятельная супружеская пара, мы были потрясены их трогательным и нежным отношением друг к другу. У нас тоже счастливая семья, но старики дали нам с мужем хороший урок добра, любви и верности. Передайте им гостинец – баночку лососевой икры.

Состав с грохотом пролетел железнодорожный мост и стал тормозить, приближалась очередная станция.

– Извините, мне надо работать. Договорились, в Бердяуше я сообщу о вашем приезде на станцию.

***

Перед экспедицией я, в очередной раз, решил окончательно бросить курить, и не взял с собой сигареты. Алексей знал об этом и сообщил, что захватил тройной запас папирос Беломорканал и четыре большие пачки трубочного табака.

– Зачем столько, собираешься курить три пачки в день?

– Еще Петр первый говорил: «Нет греха в курении табака».

– Греха, может, и нет, но и здоровья от этого не прибавляется.

– Учитель, поймите, при нынешнем жутком дефиците на табак, он превращается в конвертируемую валюту, наша зарплата мизерная, а трат будет много. И еще, перед отъездом любимая девушка подарила мне блок сигарет с фильтром, а я курю только папиросы и трубку, этот блок болгарских сигарет БТ захватил специально для вас, вдруг снова начнете курить. Ну, а если у вас железная сила воли, и курить не начнете, то используйте их как представительские для угощения хороших людей.

***

На станции Речная нас уже ждали. Ирина оказалась действительно обаятельной девушкой, с красивыми локонами, и миниатюрная как популярная кукла Барби. Она обрадовалась

подаркам и, особенно, плитке горького пористого шоколада. Виктору я подарил пачку болгарских сигарет.

– Я не курю, а тещь обрадуется, эти сигареты он поменяет на табак или махорку. Пошли, покажу ваше жилье.

С другой стороны дома, в котором жил Виктор с семьей, был вход в пустующую двухкомнатную квартиру. Мы поднялись на крыльцо веранды.

– Здравствуйте, – послышался громкий голос.

На крыльце в доме напротив стояла пожилая женщина в больших кирзовых сапогах, в брезентовой куртке и оранжевом жилете путевого рабочего,

– Здравствуйте, – сказала она еще раз, и легонько поклонилась.

Мы поздоровались в ответ.

– Мария, это твои новые соседи геологи из Ленинграда, будут жить здесь две недели.

– Очень приятно, – женщина снова поклонилась.

– Меня зовут Анатолий, а его Алексей, – представил я нас.

Виктор показал наше жилье. На веранде стояли два старых письменных стола и три табуретки, вполне достаточно для камеральных работ. В комнатах было много пыли, и уже образовалась своя экосистема, по углам висели огромные ажурные паутины, для ловли мелкой живности, проникающей через неплотно закрытую форточку.

Много раз мне доводилось обживать в пустующих или совсем заброшенных домах, в некоторых даже не было оконных рам, приходилось натягивать на самодельное перекрестье полиэтиленовую пленку. Но мне даже нравилось так обустраиваться, как будто начинаешь новую жизнь. Проходная комната была совершенно пуста, в следующей маленькой комнате в углу стоял ветхий платяной шкаф с вешалками для одежды, две армейские тумбочки, и две железные койки с провисшими панцирными сетками. Спать на таких кроватях я не мог, так как уже давно страдал радикулитом, который заработал, ночуя на сырой земле, и таская неподъемные рюкзаки с

камнями. Сразу решил обустроить себе кабинет в маленькой комнате: койку можно установить в углу, накрыть сетку широкой дверцей от шкафа, и на надувном матрасе расстелить спальный мешок. Стол с веранды поставить перед окном, выходящим на железную дорогу, и, работая, смотреть на проходящие поезда.

Кирпичная печь между комнатами и дровяная плита на кухне давно не разжигались. Виктор предупредил, чтобы мы их не топили до проверки печниками, во избежание пожара. Еду можно готовить на кухонной буржуйке в палисаднике под навесом. Обсуждать условия проживания и арендной платы за помещение Виктор не стал.

– Живите, сколько хотите, все равно квартира пустует.

– Мои родители получают талоны на сигареты и отдают их соседям, я напишу, чтобы они выслали сорок пачек Примы на адрес станции Речная, это и будет наша плата, хорошо?

– Завтра суббота, если любите париться в бане, надо помочь наколоть дров, у Федора кисти рук болят, а у меня бурсит – осложнение после гриппа, распухли локтевые суставы.

– Мы сегодня же наколем дров.

***

В комнатах было много пыли. Алексей остался мыть полы, и готовить ужин, я отправился колоть дрова.

Баня это всегда праздник, а в экспедиции вдвойне. Как здорово будет попариться после тяжелого маршрута. Мне хотелось попробовать колоть дрова своим новеньким экспедиционным топором. За многие годы экспедиций я разработал параметры идеального геологического маршрутного топора, а мой друг слесарь Женя Туробов изготовил его из высокоуглеродистой стали. Топор получился компактным и легким, имел форму колуна, поэтому не застревал в полене при колке дров, топорнице насаживалось сквозь конусовидное отверстие, так, чтобы топор никогда не мог слететь с ручки,

которая оканчивалась головой тигра с оскаленной пастью. Весил топор меньше туристского, но при этом легко колол дрова.

У бани пожилой мужчина в коричневом пиджаке и старой фуражке железнодорожника как-то неловко колол дрова, держа топор в левой руке. Услышав мои шаги, он обернулся. Старомодный пиджак украшали Орден Отечественной войны II степени и широкая орденская планка. Сразу бросилось в глаза его лицо с необычной смуглой кожей, иссеченное несколькими шрамами.

– Здравствуйте, я геолог, зовут Анатолий. Две недели будем жить на вашей станции, пришел дрова колоть для бани.

– Ну, здравствуй, а меня зовут Федор Иванович, пенсионер, инвалид, доживаю свой век на этом полустанке. А что вы будете искать?

– Говорят, что геологи всегда чего-то ищут, хотя ничего не потеряли.

– Ответ уклончивый, секрет, что ли?

– Одни геологи ищут полезные ископаемые, а мы будем изучать, как образовалась эта гора, она называется Бердяушский массив гранитов рапакиви, – я показал на гору Горелая релка, которая воздымалась на правом берегу речки.

– Для чего изучать?

– Ну, чтобы знать, как устроены глубины Земли, как возникли Уральские горы, и появились месторождения полезных ископаемых.

– В школе «геология» была одним из самых любимых моих предметов. Недавно в магазине старой книги даже купил

учебник по геологии 1937 года издания, по которому тогда учился. Почему сейчас в школах геологию не преподают?

– Нынче в школьных учебных планах большая перегрузка. Но преподаватели каждой дисциплины готовы стоять насмерть за часы своего предмета, и только требуют их увеличения. Поэтому геологии вряд ли светит появиться в учебных планах в ближайшие годы. Но школьники тянутся к геологии, и в Ленинграде в Городском дворце пионеров работает Клуб юных геологов. Он располагается в Аничковом Дворце, в спальне императрицы. Кстати мой коллектор Алексей выпускник этого Клуба. Несколько лет подряд он был победителем Всесоюзных олимпиад по геологии среди школьников. На эти олимпиады всегда приезжают юные геологи из городов Урала: Перми, Челябинска, Железногорска, Ревды, Рубахи.

– А как здесь появилось месторождение магнезита, который добывают уже девяносто лет, знаешь?

– Сложный вопрос, чтобы можно было вот так сразу на него ответить.

– Жить на Урале рядом с месторождением и не знать, как оно образовалось просто стыдно. Когда мы сюда переехали, я снова перечитал учебник геологии. Потом, от геолога карьера узнал, что Саткинское месторождение магнезита располагается в толще известняков и доломитов. Они образовались при уплотнении карбонатных илов, которые отлагались в море более полутора миллиардов лет тому назад. Затем, на пласты карбонатных пород воздействовали содержащие магний горячие растворы, и превратили их в залежи магнезита.

– Верно.

– Только непонятно, откуда же взялись эти горячие растворы с магнием?

– Вот, это и есть самый важный вопрос. Одни геологи считают, что рассолы, содержащие магний, образовались при испарении морской воды в лагунах, а потом просочились вниз, и в пластах карбонатных пород сформировали залежи магнезита.

Другие утверждают, что гидротермальные растворы приходили снизу из горячих недр.

– И что, геологии не могут договориться?

– У трех спорящих геологов, по крайней мере, четыре точки зрения по каждому вопросу. В науке действует презумпция виновности, и каждый ученый должен сам доказывать свою правоту.

– Тогда желаю удачи в научных исследованиях. Из какой организации вы приехали?

– Из Ленинградского государственного университета, геологического факультета.

– Бывал в Ленинграде, красивый город, и, главное, душевный. В Москве тоже был, она грандиозная, но какая-то суетливая.

– Нам о вас рассказывала проводница сестра Ирины. Вот пакет, она прислала гостинцы – баночку лососевой икры и мед.

– Спасибо, помню ее, хорошая девушка, красавица. Слышал, у нее родился сын – новый уральский батыр Салават Юлаев, и муж у нее мощный парень, десантник, в Афганистане воевал, как и мои внуки. Такие молодые ребята и уже имеют боевые награды, и погибают.

– Вы присядьте, отдохните, и расскажите что-нибудь. Где у вас дрова?

– За баней у сарая. Отдел снабжения удружил, привезли огромные чурбаки – околоторневые спилы лиственниц. Раньше на Урале из таких массивных чурбаков вытесывали лафеты для пушек, и где они такие закупили, может еще с тех времен где-нибудь сохранились на военных складах? А что, смолистая лиственница может пролежать и четыреста лет. И главное в отсутствие начальника станции чурбаки свалили с дрезины прямо около путей. Конечно, был скандал, но обещали привезти нормальные колотые дрова на всю зиму, а эти забирать не стали, вот я с женщинами и перевез их на тележке ближе к сараю.

Чурбаки действительно были все как на подбор, кряжистые разлапистые диаметром в пятьдесят – шестьдесят сантиметров и такой же высоты.

– На таких колодах хорошо колоть дрова или под углы дома подставить.

– Уже отобрали несколько штук для ремонта фундамента бани, угловые столбы прогнили. Мне один такой чурбак даже не поднять, артроз руки изуродовал, кисти болят, мочи нет. И у Виктора локти распухли после гриппа, в нашей больнице физиотерапию делает. Мучаемся с чурбаками, пока дрова не подвезли, хоть мужиков со стороны нанимай – дрова для бани наколоть. Вот, косыми ударами откалываю с края чурбака поленья.

– Это известный дальневосточный способ, а почему вы колете дрова левой рукой?

– Правая кисть совсем отказала, приходится переучиваться на левшу. А ты чем предпочитаешь дрова раскалывать, колуном?

– Нет, у меня маршрутный топорик, спецзаказ из высокоуглеродистой стали, – я с гордостью продемонстрировал свой топор.

– Не смейся, этим топориком дрова колоть, все равно, что вилкой сено сгребать.

– Напрасно сомневаетесь, мал, да удал, – я стал откалывать поленья с краев чурки.

– Ну, просто фокус, – удивился старик.

– Этим топором дрова колоть одно удовольствие, и колун не нужен, – а еще, можно браться, или гвозди перерубать.

– Хороший топорик дрова колет отлично, и красивый, не хуже чем мой сувенирный Златоустовский.

Федор показал изящный вороненый топорик с художественной гравировкой на лезвии в виде двух косуль.

– Какой красивый, и я хочу купить такой же в подарок своему учителю.

– В Сатке продается в сувенирном магазине. Правда, им можно только ветки рубить для веников. Но, учти, дарить острое не принято.

– Тогда продам ему топорик за десять копеек.

– Давай принесем чурку вдвоем, – предложил Федор, – она очень тяжелая.

– Отдыхайте, сам управлюсь.

Я прикатил из сарая очередную чурку, и для завязки разговора спросил:

– У моего отца орден Отечественной войны второй степени, за сбитый из пулемета фашистский самолет, а вас за что наградили?

– От разрыва танкового снаряда весь расчет нашего орудия был ранен или контужен, один я мог стрелять, и прямой наводкой, почти в упор, всадил фашисту бронебойный снаряд под башню, так что у него взорвался боекомплект.

Старик вдруг замолчал. В экспедициях мне доводилось встречать много фронтовиков и ветеранов, не все охотно делились своими воспоминаниями, приходилось тактично ожидать, когда они сами разговорятся.

– Где пришлось воевать? – спросил я, в надежде на продолжение фронтовых воспоминаний.

– В Европе от Бреста до Берлина.

– В каких войсках?

– Артиллерия, сначала пушка ЗИС-2, слышал про такую?

– Конечно, я тоже артиллерист, старший лейтенант запаса, на артиллерийских сборах стрелял прямой наводкой из 76 миллиметровой противотанковой пушки. С расстояния в один километр надо было поразить мишень – щит метр на метр, отстрелялся на пятерку – попадание с первого снаряда.

– Наш комбат говорил, что поражать цель надо только с первого выстрела, а то второй сделать не успеешь. Я сначала был простым солдатом, подносчиком снарядов, потом научился выполнять все боевые задачи от наводчика до командира орудия.

В ожидании продолжения фронтовых воспоминаний, я колот дрова.

– Всю войну очень хотелось молока, даже снилось, как беру в погребе крынку холодного молока и выпиваю его одним духом, просыпаюсь и машинально вытираю губы. Сейчас молока хоть залейся, а пить не могу, старый организм его уже не принимает, теперь опять снится, как выпиваю крынку холодного молока.

– Сколько лет вам было, когда началась война.

– Отслужил срочную службу, не успел демобилизоваться, и сразу на передовую. Самое тяжелое на фронте было постоянное изнуряющее рытье траншей и окопов для запасных огневых позиций, спать доводилось три часа в сутки, поэтому мог заснуть в любой позиции, даже стоя. Когда первый раз в госпиталь попал, то после операции проспал двое суток, так крепко уснул, что медсестры не могли разбудить, и подумали, что я умер, уже собрались отправить меня к покойникам.

– А какой фронтовой случай вам особенно запомнился.

– Боевые эпизоды тяжело вспоминать, нелегко еще раз пережить такое, даже в рассказе, но один эпизод снится до сих пор. В начале войны, при отступлении, наша батарея окопалась в лесополосе на краю поля зрелых головастых подсолнухов. Утром я наблюдал, как они дружно поворачивали за Солнцем

свои тяжелые головы. И тут фашисты неожиданно пошли в атаку на бронетранспортерах прямо через поле. Несколько машин сразу подорвались на минах, их пулеметы и автоматы дружно ударили по нашим позициям. От попадания разрывных пуль головы подсолнухов разлетались на куски, посыпая землю черными семечками.

Старик опять замолчал.

– А дальше что было?

– Два раза успели выстрелить из орудия, две машины подбили, вражеская пехота быстро подошла к нашим окопам, и бросились в штыковую атаку, а мы отбивались лопатами. Комбат обучил нас приемам специального рукопашного боя – лопата против штыка. Лопата легче винтовки и ей удобнее отбивать удары и быстрее наносить. Началась такая мясорубка, что не могу вспоминать без содрогания, но, два раза меня все-таки штыком проткнули, и легкое прострелили, а я зарубил двух фашистов. Они так залили меня кровью, что даже вырвало. Третья батарея нас выручила, ударили с фланга и перебили все бронетранспортеры, а потом к нам поспешили и добились остатки фашистской пехоты.

– А шрамы на лице откуда?

– Чувствую, хочешь спросить, отчего у меня такое смуглое лицо. Ты, наверное, много людей повидал, встречал кого-нибудь с такой физиономией?

– Нет.

– Это болезнь такая наследственная, очень редкая, но именно мне, как назло она и передалась. Сколько горьких насмешек из-за своего лица мне пришлось услышать, и не передать. В школе ребята прозвали меня Мавр, и даже предлагали роль Отелло в школьной постановке, в армии чаще всех посылали в ночные наряды, так как лицо мое в темноте не отсвечивает и врагу не видно. И даже в самом конце войны при штурме Берлина получил обширное ранение лица. Я был уже лейтенантом, командиром батареи, поднялся на второй этаж разрушенного дома разведать обстановку. В одном окне

осталось целое стекло, решил смотреть в бинокль через него, чтобы линзы не бликовали, и снайпер не заметил. И тут в дом попал тяжелый снаряд, от взрыва стекло разлетелось вдребезги, и осколки посекали мне лицо, хорошо, что в этот момент смотрел в бинокль, а то, мог остаться без глаз. Хирург утешал, что это хоть и обширное, но легкое ранение, а шрамы на лице мужчине только украшают. Обидно было День Победы встретить в госпитале с полностью забинтованной головой, даже чарку не выпить.

Лицо старика имело правильные и даже красивые черты, смуглая кожа его вовсе не уродовала, а делала интересным и привлекательным, шрамы только подчеркивали мужество воина.

– Хирург был прав, шрамы на лице действительно украшают мужчину, – польстил я ветерану.

– Ладно, хватит о войне, как начинаю вспоминать, так, будто все мои раны сразу начинают болеть и кровоточить, всё пытаюсь забыть ослепительную боль и тошнотворный запах крови в прифронтовых госпиталях.

– А где вы родились? – я тактично перевел разговор на другую тему.

– В белорусской деревне. Счастливым было детство и отрочество, мать библиотекаря, отец инвалид без ноги еще с гражданской войны, работал конюхом. Я тоже полюбил лошадей, коня для верховой езды вырастил из жеребенка. Десятилетку окончил, в колхозе трудился, на комбайнера послали учиться, потом срочная служба и сразу война.

После демобилизации навесил родное село. Страшная картина, фашистские каратели всех жителей расстреляли и сожгли за связь с партизанами, домов нет – выжженная земля, заросшая бурьяном. Над непаханными полями ветер гоняет черный пепел и прах сожженных людей. На пожарище нашего дома нашел оплавленный кусочек от серебряного оклада бабушкиной иконы, взял на память. Пошел назад в город работу искать, по дороге завернул в соседнее село, воды напиться. Все дома тоже сожжены, одни печные трубы стоят. У колодца

встретил девочку с ведром. Посмотрел на нее, и сердце защемило: тоненькая как веточка, в стареньком платьишке, совсем прозрачная, но красивая, как цветочек аленький, глаза большие и голос у нее тихий и ласковый. Напомнила она мне девочку из нашего класса, в которую был влюблен, но тогда признаться в своих чувствах не посмел, стеснялся своей физиономии. И она вышла замуж за моего друга Сергея первого гармониста в деревне, да еще и красавец, певун, плясун. Погиб он в сорок третьем под Сталинградом, а Лена его жена воевала санитарской, и ее застрелил фашистский снайпер на поле боя.

Девочку звали Анята, она с маленьким братиком только что вернулась из фашистского рабства, а их мать осталась лежать в земле Германии. Проводил ее до землянки, в которой они обустроились. В углу икона Божьей Матери, такая же, как и в нашем доме была. А эту икону в самом начале войны фашистские «освободители» прострелили двумя пулями, чего они для нас не жалели, так это патроны. Когда людей стали угонять в Германию, их мать схоронила простреленную икону в стене погребца в нише, а вход обрушили, три года икона ожидала победы вместе со всей страной. Умирая от воспаления легких, мать наказала детям икону откопать и хранить всю жизнь, как память о ней. Вот за этой иконой они и вернулись в село, нашли брошенную землянку, и собрались прожить в ней до зимы. В соседней деревне узнали про них и принесли два лоскутных одеяла, подушки, хлеб и картошку. Жить на подаяниях им было стыдно, а в распределителе для интернированных собирались направить их в разные детдома, как несовершеннолетних.

«Я им говорила, что уже совершеннолетняя, – с обидой рассказала Анята, – получу паспорт, устраюсь на работу, и буду воспитывать брата, а они сказали, что никаких документов у меня нет, и на вид мне от силы четырнадцать лет. Поэтому, надо привести родных или соседей, чтобы подтвердить мой возраст, вот мы и вернулись в родную деревню, ожидаем вдруг, кто живой остался, появится и пойдет в свидетели».

Голодные сироты, а меня угостили драниками из картофельной шелухи. Оставил им хлеб, сало, консервы. Братiku семь, а ей на вид действительно четырнадцать лет. На всякий случай спросил: «Это правда, что тебе уже восемнадцать?» «Скоро будет!» – твердо ответила она. «Ну, значит, – говорю, – ты уже невеста». А мне в ту пору двадцать пять стукнуло. И вдруг, неожиданно для себя, и как бы в шутку, посватался: «Пойдешь, за меня замуж? Я только на лицо страшный, а сердце у меня доброе, как у Чудища из сказки про Аленький цветочек, знаете такую?» Братик вместо нее ответил: «Знаем!» И она твердо без колебаний ответила: «Пойду!» Сразу понял, что от безысходности она так быстро согласилась даже, несмотря на мою искалеченную физиономию, понимала, что только в сказке Аксакова Чудище превращается в красавца, а война изуродовала меня навсегда. Выбора у нее не было, скоро осень, а у них ни дров, ни еды, и кроме этого платья девочке и надеть нечего, а братик совсем оборванец. Наказал, чтобы ждали меня, найду работу, и заберу их. Вообще-то я еще на фронте мечтал, если живой останусь, поступить в институт, выучиться на механизатора, но какая уж тут учеба, если решил семью завести. На заводе одиноким работникам предоставляли только общежитие в комнатах по десять человек, семейные без жилплощади снимали комнату или угол. Повезло устроиться работать на железную дорогу. В отделе кадров объяснил, что моя невеста и ее брат только что вернулись из немецкого рабства. Пошли навстречу, дали нам полкомнаты в казенном бараке на полуразрушенном разъезде, туда и перевез юную невесту с братиком, все их имущество – простреленная икона.

В распределителе для интернированных сказал, что я из соседнего села и могу подтвердить заявление девушки, она моя невеста и хочу забрать ее с братом. Отпустили их, дали бумагу на получение паспорта, и мы подали заявление в ЗАГС. Анюта была такая молчаливая, что поначалу соседи думали, что моя невеста глухонемая, иногда голос у нее совсем пропадал. В Загсе спросили, согласна ли она, выйти за меня замуж, а у нее горло

перехватило от волнения, ни слова не могла вымолвить. Регистраторша говорит ей: «Вы успокойтесь, и просто кивните!» Только потом мы беззаветно полюбили друг друга и поняли, какое огромное счастье нам выпало. Призналась она, что ей тогда семнадцать лет только исполнилось.

После свадьбы усыновил Саньку, и определил его в школу-интернат. Хорошо жили, в нужде, но счастливо, с каждым годом все лучше, только прошлое и войну никогда не вспоминали, будто не было ничего, с чистого листа жизнь начали. Через три года в нашей полукомнате проживало уже пять человек, и нам отдали вторую половину. Санька окончил семилетку и поступил в железнодорожный техникум. Я тоже пытался учиться, на заочном отделении Северо-западного политехнического института в Ленинграде, но не справился, даже один курс не окончил, много работы и домашние заботы одолели. Потом нас перевели на глухой разъезд на транссибирской магистрали, там и зарплата выше и целую квартиру дали, и природа сказочная: тайга, речка, охота, рыбалка. Занялся бортевым пчеловодством, и соорудил четыре улья в дуплах деревьев. Телевидения, конечно, не было, а радиоприемник среди сопки ловил на коротких волнах только «вражьи голоса». Зато много читали, собрал хорошую библиотеку. Долго там жили, в любви и согласии, мечтали о дочери, но родились три сына, все стали военными, подарили нам семь внуков, из них пять – мальчишки. Примета есть, когда рождается много мальчиков, это к войне. Зато две внучки близнецы у нас просто чудо!

– А на этом полустанке как оказались?

– Сгорел наш дом, ночью сажа в дымовой трубе вспыхнула, едва выскочить успели. Когда пожарная дрезина примчалась от дома и сараев одни головешки остались, две семьи оказались на улице. Наша коза Марфа погибла в сарае, с ней четыре куры и петух, Анюта по этому поводу три часа в голос редела, еле успокоили, за тридцать лет совместной жизни ни разу не плакала, и, видимо, накопилось. И библиотека моя

сгорела. Приютились у соседей, утром позвонили детям, все наперебой жить к себе приглашали.

– Что же не поехали?

– Квартирки у всех маленькие, тесно жили, да еще мы приедем, и работы нет. В то же утро, на селекторном совещании сам министр дал распоряжение немедленно оказать погорельцам материальную помощь, и обеспечить жильем и работой. Молодой семье с маленьким сыном предоставили жилье и работу на железнодорожной станции в Южной Карелии, а нас прислали сюда, выделили трехкомнатную квартиру в половине дома. Обходчик здесь жил, и неожиданно умер, семьи и родственников у него не было, и нам досталось все его хозяйство.

***

Мимо нас важно прошли несколько кур во главе с петухом, за ними, вытянув вверх шею и растопырив опущенные крылья, смешно переваливаясь, семенил крупный серый гусь. Временами он жалобно стонал.

– Анята принесла с рынка чуть живого хромого гусенка, придавили его в суматохе, и уже хотели скормить собакам. Два месяца его выхаживала, а он бродил за ней по комнатам, все время просил есть, и гадил где попало, по квартире ходили как по минному полю. Когда гусь поправился, определил его в курятник. Теперь не знаем, что с ним делать, ходит вместе с курами, и не подозревает, что он водоплавающий гусь, на речку даже не смотрит, и все время жалобно стонет, чувствует, в этом мире что-то не так, но понять не может. Ранней весной, когда в небе заготовали пролетные гуси, он сразу признал сородичей, закричал, крыльями захлопал, будто собрался лететь с ними на Север. Теперь Анята старается не попадаться гусаку на глаза, он, как только завидит ее, шею вытягивает, бежит к ней со всех ног, взлетает и сразу прыгает на руки, чтобы его чесали, а он клювом ее волосы теребит. И если в этот момент кто-нибудь к ней подходит, так сразу бросается ее защищать, и норовит ущипнуть клювом, с поворотом, очень больно, Ирину догнал, и

схватил за ногу, так синяк месяц не проходил. Догадайся, как зовут нашего гуся?

– Наверное, Мартин, – сообразил я.

– Угадал, это внучки его так называли, как в их любимой сказке о путешествии Нильса с дикими гусями.

Почему еще гусей не заведете, речка же рядом, вместе им весело, плавали и кормились бы водорослями.

– Кто их потом резать будет, мы не можем.

– А с курами как поступаете?

– Когда они перестают яйца нести, отдаем соседке. В детстве отец меня все время укорял: «Ну, какой из тебя мужик получится, если петуха зарезать не можешь, у нас в селе все бабы, кроме твоей матери библиотекарши, могут забить птицу. Но быка зарезать может только дед Макар, а он совсем плохой стал, помрет скоро, и кто вместо него работать будет? Никто не хочет, все чистоплюи, но мясо есть любят. Эта профессия знаешь, какая прибыльная, мясом и самогоном всегда обеспечен, и потом, вдруг завтра война, и надо будет людей убивать? Тоже скажешь, не могу, боюсь, а не сможешь, тебя самого убьют!» Поддался на уговоры и однажды попробовал зарубить петуха, опозорился на всю деревню, рвать стало так, что сознание потерял. Наверное, я в мать пошел, никого не хочу и не могу убивать. – Старик помолчал, и со вздохом произнес: – а двух фашистов в рукопашной довелось убить лопатой.

– Как же с коровой поступите?

– Продадим, не убивать же её, по крайней мере, с глаз долой. Однажды нам уже довелось пережить забой. Когда мы сюда только приехали, начальник станции Глеб Егорыч решил зарезать быка, специально откормленного на мясо, долго уговаривал меня, совал в руки плоский немецкий штык, и говорил, что для воина убить быка ничего не стоит. Я объяснял, что не выношу малейшего запаха крови, собственный палец порежу, и меня уже тошнит. Тогда он пригласил двух путевых рабочих, опыта у них никакого не было, только желание получить за убой по хорошему куску мяса, и бутылку самогона в

придачу. Не знаю, где они могли узнать о таком варварском способе забоя животных. Анюта быстро ушла в дом, а я крышу сарая чинил, и стал невольным свидетелем кровавой сцены.

Привязали они голову быка к ограде загона. Он стоял смиренно, не догадываясь о предстоящей экзекуции. Один рабочий намеревался убить быка ударом обуха колуна в лоб, а второй, в этот момент, должен был ножом отрезать ему гениталии, якобы при стрессе из яичек в кровь попадает какое-то вещество, и портит вкус мяса. Тому, который сзади, убойщик с колуном не виден, и он должен был среагировать на счет три, и на звук удара. Они потренировались пару раз вхолостую. Первый номер изготовился для удара, и, на счет три, на замахе колун слетел с ручки, остановится мужик не смог, и хрястнул быка палкой по голове между рогов. Такой удар вызвал у быка легкое недоумение. А второй номер с ножом, услышав звук удара, бросился отрезать гениталии, но это движение бык почувствовал, и так лягнул рабочего копытами, что тот отлетел на несколько метров. Когда, бык сообразил, что к чему, оборвал веревку и стал бегать по загону. Что делать, подойти к разъяренному животному никто не решился. Позвонили в Сатку, пригласили специалиста по забою животных, приехал щупленький мужичок, надел клеенчатый передник и смело пошел к быку, погладил его, привязал к ограде, вернулся к мужикам, сел на лавку и закурил.

«А когда резать-то будешь?» – Удивились мужики.

«Уже зарезал, – ответил специалист, – кровопусканием».

Бык стоял тихо, потом ноги у него подломились, и он завалился на бок.

«Теперь можно и свежевать, несите тазы и ведра», – мужичок достал нож и направился к быку.

Оказалось, что забойщик медицинским скальпелем вскрыл быку артерию на шее, и он даже боли не почувствовал, истек кровью, и потерял сознание. Но рабочие все-таки получили по куску мяса и по стакану самогона.

Куры и гусь снова прошли мимо нас.

– Вот, хочу отдать его в совхозный гусятник, только, боюсь, птицы они жестокие, могут насмерть заклевать чужака, да и Аня будет против.

Старик замолчал, но чувствовалось, что ему хочется что-нибудь еще рассказать из своей жизни, а я всегда готов слушать воспоминания людей. Как будто вместе с ними уходишь в прошлое, живешь их заботами, горестями и радостями.

– Вы курите? – на всякий случай у меня была с собой пачка сигарет, чтобы угощать людей.

– Как шутит наш уролог в районной поликлинике: «А вы, дедушка, своё, уже отписали!» Так вот, своё, я уже откурил, простреленное легкое вырезали – рак, и сердце плохо работает, грудная жаба иногда так схватит, что не пошевелиться.

«Все больные, – подумал я, значит, никто париться не собирается, и баню толком не вытопят».

Федор, словно прочитал мои мысли:

– Не беспокойся, баню вытоплю для вас как следует, и веники приготовлю дубовые, с мятой и можжевельником, раньше, когда парился, всегда такие веники заготавливал, а сейчас только для Виктора и гостей.

***

В квартире стоял запах свежeweымытых полов. Алексей чихал несколько раз подряд каждые пять минут.

– У меня жуткая аллергия на кошек и пыль, а в этой квартире явно обитали кошки.

– Тогда извини, что заставил тебя мыть полы, надо было сразу предупредить об аллергии.

– Неудобно, получилось бы – начальник моет полы и готовит ужин, а коллектор прохлаждается. Я двух вещей не могу понять, откуда эта чертова пыль берется, и куда деньги деваются, быть может, вы знаете, Учитель?

– На эти два вопроса я, пожалуй, знаю ответы. Даже в закрытой квартире за две недели на один квадратный сантиметр пола и горизонтальной поверхности мебели оседает порядка

двенадцати тысяч пылевых частиц. В городской пыли одна треть это минеральные частицы, остальное разные целлюлозные волокна, чешуйки кожи и волос, цветочная пыльца, и еще частицы сажи, они выглядят под микроскопом как гроздь винограда, только вместо ягод черные битумные шарики. В минеральной части в основном мельчайшие частицы кварца, которые образуются при механическом дроблении зерен песка, из подсыпки дорог. Интересно, что в древнем Египте при вдыхании мельчайшей кварцевой пыли, приносимой ветрами из пустынь, от силикоза легких умирали даже фараоны.

– Откуда вы это знаете?

– В школе с экологическим уклоном читал лекцию о загрязненного воздуха в городской среде. Тема не геологическая и сначала отказался, но потом меня все-таки уговорили, подготовил сорокаминутный доклад с презентацией на слайдах. А жена говорит: «Ты, совсем обносился, ходишь два года в одном свитере, и в гости, и на работу, не позорься, купи костюм». У нового пиджака боковые карманы оказались так хитро защиты, что никак не мог сообразить, как их распороть. Неудобно без карманов, но уже опаздывал, и пошел на лекцию. Доклад закончился аплодисментами, даже цветы мне подарили. В учительской одеваюсь, и чувствую, как завуч сзади пытается залезть мне в боковой карман пиджака. Смотрю, а в руке у нее пятьдесят рублей одной новенькой бумажкой. Понял, что она хотела расплатиться со мной за лекцию. «Видите, – говорю, – какие специальные костюмы с наглухо зашитыми карманами носят преподаватели университета, это чтобы студенты взятки не совали». Она поняла юмор, и говорит, что это не взятка, а честно заработанные деньги, за прекрасную лекцию. Я ответил, что несколько раз читал лекции в школах и всегда бесплатно, и не стоит привыкать к оплате, пусть деньги останутся в школе, наверняка есть куда их потратить. Но, оказалось, что пригласить меня в школу на доклад им рекомендовали из Клуба юных геологов, городского Дворца пионеров, и, если я не хочу брать

себе эти деньги, то могу передать их в клуб. Так я и поступил, чем очень удивил заведующую клубом.

– Ну, тогда, быть может, вы знаете, куда деваются деньги?

– Да, с ними все просто, деньги никуда не деваются, а просто переходят от одних собственников к другим, где и накапливаются. Еще Михайло Васильевич Ломоносов открыл закон сохранения материи: «Сколько в одном месте убавилось, столько же в другом месте прибавилось». В физике есть закон сохранения энергии, который гласит, что энергия не исчезает и не появляется ниоткуда, а только переходит из одних форм в другие. Так вот, деньги в любом виде это эквивалент материальных ценностей, форма виртуальной энергии, с помощью которой можно совершать работу.

– Вы, наверное, в школе были отличником?

– Не довелось, только мечтал об этом. Но теперь, как преподаватель, должен говорить детям, что учиться надо хорошо. Отец наказывал мне, что «все в жизни надо делать хорошо, или очень хорошо», но потом добавлял: «Уж, очень-то хорошо, тоже не хорошо!»

– Не понял смысл последней фразы.

– Молодец, что обратил внимание на это добавление, и я не сразу понял его суть. Чтобы выполнить работу хорошо, надо затратить какое-то время, а чтобы сделать из этого «хорошо» «очень хорошо» времени надо затратить гораздо больше, иногда в два или три раза. Так что, лучшее враг хорошего.

– Мой отец тоже все время твердил, что учиться надо очень хорошо, а сам был двоечником.

– Неужели он признался тебе, что плохо учился?

– Нет, узнал совершенно случайно. Полез на антресоли, чтобы спрятать свой дневник с двойками, и обнаружил там хорошо запрятанный школьный дневник моего папеньки. Весь исписан замечаниями и наполнен двойками, наверняка от родителей прятал. В конце четверти, я, как бы случайно взял и показал его отцу. Он подумал, что это мой дневник такой красивый, и сходу вlepил мне в лоб, я даже увернуться не успел.

Разозлился, и сказал, что бы он внимательно посмотрел на имя владельца на обложке. И когда отец понял, что это его дневник, то замахнулся для удара, но я успел отскочить, и говорю: «Ты себя по голове бей своим дневником». Так он прямо с ноги метнул в меня тапок и попал в спину, когда я убегал.

– Крутой у тебя папенька.

– Да, он и сейчас еще может отвесить мне подзатыльник, и не посмотрит, что у меня черный пояс каратэ домо-контакт. Но возражать родителю не смею. А ваш сын, каким видом спорта занимается?

– В двенадцать лет записал его в секцию бокса общества Буревестник. Сам туда ходил, когда был школьником. Он не хотел, а я настоял, и объяснил, что настоящий мужчина должен уметь в драке и за себя и за друзей постоять. Предупредил, что он будет заниматься боксом, пока не станет чемпионом города. Сам его ежедневно тренировал.

– Оправдал он ваши надежды?

– Да, через год он стал победителем городских соревнований по боксу, посвященных Дню Победы в весе до тридцати восьми килограммов. Принес грамоту, и сказал, что больше заниматься боксом не будет. Как тут возражать, раз сам поставил условия.

– А как он учился?

– Так себе, середняк, но двойки тоже приносил.

– Наказывали его за плохие оценки?

– Нет, ограничивался угрозами, воспитание детей процесс сложный. Однажды, сын принес двойку, и жена стала требовать, его наказать, как будто я домашний экзекутор. Я говорю: «Ты решила, сама и наказывай. У тебя же есть педагогический опыт, помнишь, как однажды ты треснула его по голове учебником английского языка, или теперь боишься бить чемпиона города по боксу?» В этот момент по телевидению началась какая-то программа о воспитании детей. Ведущая телепередачи говорит: «У нас в гостях член-корреспондент Академии педагогических наук». Солидный мужик стал бодро рассказывать о тонкостях

воспитания детей. Жена говорит: «Ты слушай академика, как надо правильно сына воспитывать!» Я в этот момент готовил отчет кафедры по науке, ну, и вполуха стал слушать лекцию. Еще подумал, больно уж молод этот мужик для члена-корреспондента. А он заливается: «...это очень деликатный момент в воспитании, и надо терпеливо убеждать ребенка, но так, чтобы, ни в коем случае его не обидеть». И дальше в том же духе. А в конце вдруг серьезно, и с явным садизмом заявляет: «Ну, и, главное – пороть, пороть как сидорову козу!» Мы с женой опешили, а сыночек даже со стула вскочил. И тут в телестудии раздался дружный смех. Оказалось, что это была какая-то сценка из юмористической передачи. Я на всякий случай крикнул сыну: «Ну-ка, носи ремень, живо! За-по-рю!»

Алексей стал рассказывать о себе:

– Однажды учительница накатала мне замечание: «Совершенно не умеет вести себя на уроке истории», в надежде, что родители отреагируют и меня накажут. Отец взял, да и написал в дневнике ответ: «Совершенно не умеет вести себя дома!» За эту переписку его вызвали в школу – провести воспитательную беседу. Я пошел вместе с ним, чтобы из-за двери послушать, как ему накрутят хвоста за эту хохму. Идем по улице, апрель, жара, птицы поют. А навстречу нам хилает умопомрачительная герла, вся извивается как на шарнирах, и чуть из декольте собственного платья не вылезает. Проходит мимо, с независимым видом, обдает нас сильным ароматом духов, явно довольная произведенным эффектом. Отец посмотрел ей вслед и даже крикнул. И я сделал также. Он влепил мне подзатыльник и говорит: «А ты, что крикаешь? Чтобы иметь отношения с такими деваками, на одни пятерки учиться надо!» Тогда я и захотел стать отличником.

– Получилось?

– Для начала я решил избавиться от старого дневника, чтобы он не отсвечивал двойками и замечаниями, и завел новый. Показал его отцу с двумя пятерками. Он раскричался: «Что это такое, откуда у тебя новый дневник, а где старый?» Я говорю:

«Забыл в парте, и кто-то его стащил. Вот и купил новый». «Не ври, – кричит, – какому идиоту мог понадобиться твой дневник с кучей замечаний и полчищами двоек?» Я говорю: «Ну, мало ли, может, кто из ребят специально взял, родителей напугать в конце четверти».

– Ты напоминаешь мне Вовочку – знаменитый персонаж школьных анекдотов. Отец просматривал его дневник, испещренный двойками и замечаниями, а он с невинным видом спросил: «Папа, как ты думаешь, что это, результат порочной наследственности, или дурного воспитания?»

– Хватит вспоминать школу. Давайте ужинать, макароны остыли.

На столе рядом с мисками и котелком стоял водочный шкалик с красноватой жидкостью, заткнутый бумажной пробкой.

– Это что, алкоголь, откуда?

– Соседка попросила закурить, сказала, что уже неделю не дымила. Вы бы видели, как у нее руки тряслись от нетерпения, когда она скручивала козью ножку. Я тут же отсыпал ей добрую жменю капитанского табака. Ну, а потом она по-соседски, угостила нас самогонкой, настоящей на дикой вишне. Еще извинилась, что мало, это остатки, но скоро будет готова новая порция. Ну, как можно было отказаться от подарка, сделанного от всей души, да еще от вишневой настойки, это была бы смертельная обида, а нам здесь жить пятнадцать дней.

***

Первый маршрут мы наметили еще в поезде. Линия ЛЭП-500 пересекала весь горный массив по широте через высшую точку на горе Вилесовая. Во времена Заварицкого этой линии электропередач еще не было. Обычно на просеках ЛЭП встречаются хорошо расчищенные участки выходов горных пород. Когда мы ехали из Бердяуша в Сатку на пассажирской дрезине, то увидели, что на склоне горы под ЛЭП есть скальные обнажения, и, быть может нам, удастся обнаружить что-то новое.

Опоры высоковольтных ЛЭП всегда восхищали меня своей грандиозностью, они, как могучие фантастические великаны с широко расставленными стальными опорами – ногами, и широкими плечами, с гирляндами изоляторов, строгой колонной уходили вдаль через тайгу, реки и горы.

По рельсам железной дороги пешком дошли до линии электропередач, которая пересекала реку и потом круто поднималась в гору.

– Какой тяжелейший труд у строителей таких сооружений, – заметил я, – настоящее мужество работать в глухой тайге, на горных перевалах, на переправах бурных рек, в любую погоду в метель, стужу, дождь и жару. По сравнению с их работой, наши геологические маршруты просто туристические прогулки.

Вблизи опоры ЛЭП выглядели еще внушительней, на боковых плечах свисали гирлянды из 20 изоляторов, они удерживали тяжелые сборки из трех отдельных проводов, связанных треугольными перемычками. В воздухе стоял громкий треск, а вода в речке под проводами рябила от гула мощных электромагнитных полей.

– Между прочим, переходить реку под проводами ЛЭП сверхвысокого напряжения опасно для жизни, – авторитетно заметил Алексей, – даже ловля рыбы под ними категорически запрещена, хотя, какая рыба тут может быть, когда вода словно кипит.

– Для ЛЭП номиналом 500 киловольт необходимо выдерживать дистанцию 30 метров, – процитировал я соответствующий пункт правил техники безопасности.

– На охотничьей базе в Карелии мы с отцом установили катушки индуктивности прямо под проводами ЛЭП для генерации наведённого электричества, его вполне хватило на освещение и хозяйственные нужды одного из домиков.

Речку перешли вброд в тридцати метрах от ЛЭП. На просеке, широкой полосой уходящей вверх по склону, во многих местах виднелись скальные выходы. Подошли к горе. Расчищенные скальные выходы находились только на просеке

под свисающими проводами. От воздействия мощных электромагнитных полей волосы на голове становились дыбом и трескали. На крутом склоне высоковольтные провода провисли ближе к земле, и электромагнитные поля явно достигли опасного уровня, могло возникнуть убийственное шаговое напряжение. По крутому склону стекала вода, и забираться вверх по мокрым скалам, щебеночным осыпям и сползающей размокшей почве было невозможно, а сбоку, после очистки просеки, образовались завалы из пней, кустов и дерна.

Продолжили маршрут сбоку, где склон был немного положе, но здесь не было обнажений, и меня раздражало, что Алексей все время старался забежать вперед.

– Не надо бежать впереди паровоза, – сделал я замечание студенту, – коллектор должен всегда идти сзади геолога, и не мешать прокладывать маршрут.

В одном месте Алексей не удержался и опять забежал вперед, за что тут же и поплатился. Под отвесной скалой открылась небольшая ровная лужайка, покрытая изумрудно-зеленой травкой, в центре на бугорке красовалась клумба белоснежных цветов.

– Смотрите, этот букет приготовила для нас Хозяйка гранитной горы! – Радостно воскликнул Алексей, и сделал несколько шагов к клумбе, прежде, чем я успел крикнуть: «Стой!».

Вдруг он провалился в землю по самое горло, хлебнул воды и закричал.

– Тону, помогите!

Одним ударом большого охотничьего ножа я срубил молодую рябину, и ее макушку протянул утопающему. Он ухватился за ветки, и, с моей помощью, выполз на твердое место. Сзади пузырилась полоса черной воды.

– Что это было? – Алексей снял мокрые брюки и энцефалитку.

Мы насухо выжали одежду, от нее разило гнилым болотом.

– Это грифон, слышал про такое явление, вы должны были изучать в курсе гидрогеологии?

– Студент не знает в двух случаях, либо еще не сдавал экзамен по предмету, либо уже сдал.

– Выход подземной воды на поверхность сосредоточенной струей в гидрогеологии называют грифоном, место выхода зарастает плотным слоем болотной травы, иногда на нем растут красивые цветы.

– А вы откуда про это знаете, если сдали экзамен по гидрогеологии больше двадцати лет тому назад.

– На преддипломной практике в Карелии мой начальник геофизик на заросшем болоте провалился в грифон, который оказался еще и радоновым источником с гамма-активностью более ста микрорентген в час.

Мой походный дозиметр показал, что гамма- и бета-активность около грифона, в пределах нормы. После аварии на Чернобыльской АЭС такие компактные приборы появились даже в свободной продаже.

– Ногами дна не достал, и успел хлебнуть тухлой воды. – Алексей прополоскал рот водой из фляги. – Еще чуть-чуть, и мог погибнуть в самом расцвете лет. Это надо же, утонуть в болоте на вершине горы. Учитель, я ваш должник. Мне кажется, есть в этом что-то мистическое, быть может, Хозяйка гранитной горы хотела меня похитить? А что, утонул бы, и как Садко попал в ее подземное царство.

– Зато она наверняка рассказала тебе, как образовался Бердяушский массив гранитов рапакиви. Давай огородим грифон, чтобы люди не провалились.

Мы нарубили жердей и воткнули их в землю, перекрыв путь к опасному месту.

***

Склон за вершиной горы Вилесовой зарос тайгой с буреломами, непроходимыми массивами кустарников и низкорослой дикой вишни, которая распространена в подлеске по всему Южному Уралу. Даже горный массив в Челябинской

области носит поэтическое название «Вишневые Горы», оттого, что весной на них зацветает дикая вишня, как сакура в Японии. На восточном склоне у ручья стояла мощная, но уже засохшая лиственница.

– Красавица, – Алексей подошел, и легонько постучал молотком по толстому метр в поперечнике стволу, – Учитель, – воскликнул он, – смотрите там дупло, и вылетели пчелы.

– Наверное, это дикие лесные пчелы, которые строят ульи в дуплах деревьев.

– Да, я знаю, у моего деда на даче было два улья, и он мне рассказывал, как в молодости собирал мед в лесных дуплах, кстати, здесь на Урале, такие ульи называются борти.

– Бортевое пчеловодство гордость Башкирии, от диких пчел получают самый вкусный мед.

– Давайте попробуем этот вкуснейший мед, может быть, в жизни больше не доведется.

– А если этот улей кому-то принадлежит, то это будет кража. Похищение мёда из борти в древней Руси каралось смертной казнью на виселице, на такие деревья и сейчас распространяются права собственности, и они помечаются владельцами разными знаками.

– Здесь нет никаких знаков, и этот улей никому не принадлежит. Видите, щепка под деревом свежая, это работа пестрого дятла, а рой поселился в дупле недавно.

– Если в Башкирии борти особо охраняются, то трогать ульи диких пчел нельзя!

– Вы не правы, Учитель, диких пчел трогать нельзя, а мед из ульев добывать не только можно, но и нужно.

– Зачем разорять улей, когда у нас на базе есть баночка отличного башкирского меда.

– Разорять не будем, пчел не трону, просто суну руку в дупло и быстро отщипну кусочек сот. Я нашел этот улей, имею на него право, и вырежу на стволе свой знак АШ – Алексей Шибанов.

– Зачем заявлять права на улей, если ты все равно не сможешь им пользоваться. Уж если метить улей, то буквами РФ.

– Чьи это инициалы?

– «Р» это название станции Речная, а «Ф» от имени Федор, когда он работал на Дальнем Востоке, то имел дело с лесными пчелами.

– Ну, что, я полезу, или как?

– А не боишься, что пчелы ужалят?

– Кто не рискует, тот не пьет по утрам шампанское!

– А кто пьет по утрам шампанское, сильно рискует своей жизнью! Как ты залезешь наверх по толстому стволу, здесь метров шесть.

– Конечно, воздушного шарика как у Вини Пуха у меня нет, но, если человек талантлив, то талантлив во всем, это я о себе, – скромно добавил Алексей.

Он достал из рюкзака широкую парашютную стропу, обхватил ствол петлей, и связал концы так, что оказался вплотную привязанным к дереву.

– Ну, и что дальше, как полезешь наверх? – Не понял я.

– Опираясь на веревку спиной, понемногу заползаю наверх, потом прижимаюсь к стволу, освобождаю стропу и закидываю ее выше, и так несколько раз, пока я не долезу. Если вы мне поможете и с другой стороны дерева шестом станете приподнимать стропу вверх, то я долезу быстро, поняли?

Упираясь подошвами резиновых сапог в шершавую кору, Алексей стал заползать на дерево, а я помогал, когда он, прижимаясь к стволу, немного освобождал стропу. Медленно, но он достиг уровня дупла.

– Я притворюсь черной тучкой, и буду напевать: «Я тучка, тучка, тучка, а не Алексей». А вы не стойте, ходите вокруг ствола и повторяйте: «Кажется, дождь собирается!»

Алексей накинул на голову капюшон энцефалитки, стянул его шнуром, который завязал под самым носом, так что свободными остались нос и глаза, на руки надел два пробных полотняных мешочка для образцов. Подтянувшись, еще

немного, он заглянул в дупло. И в этот момент раздался сильнейший грохот, а под ногами вздрогнула земля. Я понял, что в карьере комбината Магнезит произвели мощный взрыв для отвала горной породы. Пчелы испугались, вылетели наружу, и обнаружили лицо Алексея. Они сразу поняли, что это вовсе не черная тучка и пустили в ход жала. С диким воплем Алексей выскочил из под стропы, и слетел вниз. Пчелы отстали, а мы отбежали на безопасное расстояние.

– Вот и попробовал бортевого медку, черт побери! – С досадой воскликнул Алексей.

Он скинул капюшон, и я осмотрел его лицо. Надо сказать, что оно мало пострадало, распухли верхняя губа, нос и веки над глазами.

– Ничего, осы жалят значительно больше, и дольше держится опухоль.

При помощи головки от рейсфедера, которую использовал в маршрутах, как миниатюрный пинцет для вытаскивания заноз, я извлек остатки шести пчелиных жал.

– Ну, вот и все, до свадьбы заживет, – успокоил я любителя бортевого меда.

– Спасибо, но я женат.

Я сорвал подвернувшийся под руку подберезовик и разрезал его на несколько пластинок.

– Приложи к укусам и боль сразу пройдет.

– Действительно, быстро снимает боль. Посмотрите, у меня на шее жала не остались, вроде пчелы успели забраться под капюшон.

На коже шеи нашлись остатки двух жал. И вдруг, в районе ключицы, я увидел присосавшегося иксодового клеща, он еще не успел напиться крови.

– Ну, ты везунчик, – сообщил я Алексею, – в тебя впился клещ!

– Энцефалитный?

– Иксодовый, а заразный он или нет, можно определить только на санитарно-эпидемиологической станции.

– Ну и денек, электричеством чуть не убило, в болоте едва не утонул, пчелы ужалили, а теперь еще и клещ прицепился.

– Сдается мне, что ты удачливый на приключения человек, и если нам с тобой суждено вместе работать, то и мне мало не покажется.

О, как точно я тогда угадал будущее, нас действительно ожидали многочисленные и разнообразные приключения, особенно с клещами. После одной экспедиции в Карелию, я на десять дней попал в инфекционную больницу, где у меня обнаружили заболевание инфекционный клещевой боррелиоз. Алексей тогда отделался легким испугом.

– У меня же нет прививки от клещевого энцефалита, – вздохнул Алексей.

– Как это, а справка, которую ты мне предоставил для оформления приказа в экспедицию?

– Извиняюсь, но это была липа, мне прививка противопоказана, вот и достал через знакомую медсестру.

– Ты же мог крупно меня подставить, если бы вскрылся подлог, и я попал бы в черный список не выездных в экспедицию. На, возьми клеща на память.

– А у вас прививка есть?

– Двадцать пять лет регулярно делаю, иначе в экспедицию не пустят. Говорят, что без прививки человек от энцефалита умирает быстро, но мучительно, а с прививкой есть шанс на всю жизнь остаться идиотом.

– Как вы думаете, этот клещ был энцефалитный?

– Вряд ли, заразные клещи один к ста, но ты везучий, мог и с первого раза нарваться на энцефалитного.

– Утешили, это в спортлото мне не везет, а на разные жизненные оплеухи я первый кандидат!

– Ты что, играешь в спортлото?

– Два раза и без успеха. Кто играет по мелочи, всегда проигрывает, но если когда-нибудь мне доведется попасть в Монте Карло при деньгах, то в рулетку все поставлю на «красное», так подсказывает мне внутренний голос.

– А ты, оказывается, азартен, как булгаковский Парамоша.

– Поэтому не хочу быстрой, но мучительной смерти от энцефалита.

– В Сатке на станции скорой помощи, быть может, удастся сделать вакцинацию иммуноглобулином. Её надо проводить в течение трех суток после укуса клеща, но только если нет противопоказаний на введение.

– Конечно, противопоказания есть, и что мне теперь в маршруты ходить нельзя?

– Снимай энцефалитку.

Я осмотрел спину, шею и подмышки у Алексея, а потом он осмотрел меня.

– А средств защиты от клещей существуют?

– Мой знакомый опытный таежный охотник говорил, что если случится ночевать в лесу, то лучше всего недалеко от муравейника. Клещи хорошо чуют муравьиный спирт, и резкий запах их отпугивает, а при высоких концентрациях спирта онидохнут. Сейчас отыщем большой муравейник, вывернем одежду на изнанку и положим на него сверху на двадцать минут, потом отряхнем хорошенько от насекомых. Для обработки кожи надо поднести ладони к муравейнику, и на расстоянии двух сантиметров от поверхности, подержать пару минут. Потом потереть лицо, запястья и прочие открытые участки. На обратном пути в Сатке зайдём в городскую аптеку и купим муравьиную кислоту, разбавим водой напополам, и будем мазаться перед маршрутом.

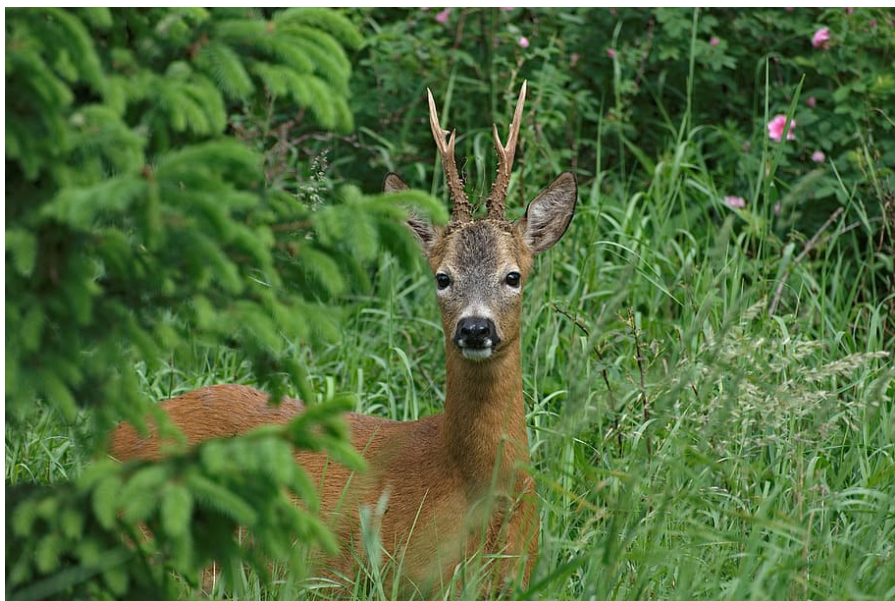
Алексей ножом зачистил ствол лиственницы от коры и вырезал РФ. Мы продолжили маршрут.

***

Впереди, прыгая из стороны в сторону, на поляну выбежал заяц, за ним гналась рыжая лиса. Заяц быстро пересек поляну и юркнул в кустарник, лиса подбежала к зарослям, но вдруг резко остановилась, оглянулась по сторонам и, заметив нас, без особого страха разглядывала целую минуту, затем неспешно скрылась в чаще.

Собрались перекусить, но костер разжигать не стали. В моей фляжке была кипяченая вода, у Алексея кофе со сгущенным молоком. Открыли банку килек в томатном соусе и съели с остатками круглого ленинградского хлеба. Вдруг на дальнем конце поляны появилась стайка козликов, самец был с рогами по три веточки. Животные остановились, посмотрели в нашу сторону, затем, высоко подпрыгивая, резко бросились вперед и исчезли за деревьями.

– Какие красивые, – заметил я, – неужели у кого-нибудь поднимется рука выстрелить в такое чудо природы?

– А как же быть с природным инстинктом охотника?

– Купить фоторужье как у Шарика из Простоквашино.

– Наверное, здесь добрая охота. На совершеннолетие отец подарил мне старую немецкую двустволку Зауэр три кольца. Этим ружьем в гражданскую войну за боевые заслуги был награжден мой дед Иван, в честь него я назвал сына.

***

Редкие скальные обнажения заросли лишайниками, и рассмотреть на них структуры горных пород, удавалось только задирая влажный мох. Поражало структурное и вещественное разнообразие пород даже в пределах одного обнажения. Поначалу я растерялся, и даже не всегда мог определить, и назвать породу.

– Что это за аббревиатура ЧЗЧ, которую вы пишете в дневнике, сами же говорили, что никакие сокращения недопустимы.

– ЧЗЧ, это предварительное название породы, которая ни на что не похожа, сокращение: черт знает что.

– Тогда у вас получится, что совершенно разные, ни на что не похожие породы будут называться одинаково?

– Да, ты прав. В том случае лучше использовать студенческую полевую классификацию, в которой уже три позиции:

Порода, очень похожая на гранит,

Порода, не похожая на гранит,

Порода, совершенно не похожая на гранит.

– Прекрасная классификация, сами придумали?

– Нет, прочитал в полевом дневнике одной девушки на студенческой геологической практике: «Порода, совершенно не похожая на гранит».

– Уверен, что такую классификацию могла придумать только блондинка.

– Не угадал, студентка была шатенкой.

– Значит, она просто крашенная блондинка.

– Мой старший брат говорит, что в жизни каждого геолога обязательно должно быть что-нибудь светлое, например блондинка.

***

Из маршрута возвращались затемно. На подходе к станции стали обсуждать варианты ужина. Быстрее всего опять приготовить макароны с тушенкой.

– И чай, много чая, – размечтался Алексей, – может быть, в баню еще попадем, так хочется попариться, или хоть помыться, и одежду надо постирать, от нее разит гнилым болотом.

– Федор обещал, что после того как все помоются, специально для нас подтопить баню.

Дома нас ждал сюрприз. На полу веранды стоял ящик с картошкой, а на столе крынка молока, буханка теплого хлеба, кусок сала, две луковицы и четыре куриных яйца.

– Вот это подарок, это по-нашему, по-советски! – Обрадовался Алексей. – Учитель, давайте быстренько выпьем по кружке молока с хлебом, а поужинаем после бани.

Федор сидел под фонарем у входа в баню, и сувенирным топориком колол на чурке лучины для растопки. Рядом на скамеечке стоял графин с квасом. Дубовые веники с можжевельником лежали в тазу, в ожидании, когда их запарят. Похоже, баня все-таки состоится.

– Добрый вечер, – поздоровались мы.

– Добрый! Ну, как поработали? Что интересного нашли.

– Нашли дупло с гнездом диких пчел, и поместили его буквами РФ. «Р» от названия станции Речная, а «Ф» от вашего имени Федор. Вы же говорили, что имели дело с лесными пчелами на Дальнем Востоке, вот и принимайте улей.

– Было дело, только какой сейчас из меня бортник, отлазил я по деревьям. Как шутила моя бабушка: «Лезла с печи, да ветер встречу».

– Тогда, быть может, Виктор возьмется за бортовое пчеловодство?

– Не знаю, поговорю с ним, надо обязательно передать свой опыт молодым, чтобы они продолжили дела своих предков. На Руси бортничество представляло одну из важных отраслей хозяйства, ещё древляне поставляли мёд и воск киевским князьям в качестве дани. Мед, воск, пенька, меха и деготь служили главными предметами экспорта из Руси. А где, ты говоришь, это дерево с дуплом?

– Огромная засохшая лиственница, ствол в два обхвата, стоит недалеко от ЛЭП, на восточном склоне, у речки Пятая, легко найти, ее издали видно.

– Неужели засохла, два года назад еще живая была, подозреваю, что она погибла от кислотного дождя из-за дымовых выбросов комбината.

– Этот улей нашел я, так вы беретесь его использовать? – Нетерпеливо спросил Алексей.

– Рой пчел в дупле это еще не улей, борт надо обустроить. На высоте до десяти метров в толстом дереве специальными инструментами выдалбливают щель-дупло высотой около метра, внутрь помещают специальные кресты для крепления сотовых рамок, щель закрывают деревянной заслонкой, а леток для пчел прорубается сбоку. После этого борт оставляют сушиться на год или два, и только после этого её можно готовить к заселению пчёлами.

– Как все сложно.

– Для бортных деревьев подходят сосна, липа и дуб, а лиственница не очень благоприятна, слишком смолевая, и пчелы могут увязнуть в разогретой на солнце смоле. Число бортей в одном дереве может доходить до четырёх, а срок их службы может достигать ста пятидесяти лет, и раз в десятилетие их нужно очищать. В Башкирии нетронутые леса сохранились в глухих отрогах Уральских гор. Именно здесь в 1958 году природная зона обитания тёмной лесной пчелы была объявлена заповедной.

– Так это дупло никому не принадлежит, его пестрый дятел выдолбил.

– Думаю, что дятел выдолбил дупло, чтобы иметь возможность лакомиться медом, а может и пчелами. Об этом дупле надо сообщить в общество пчеловодов, они его зарегистрируют и проведут обследование здоровья пчел. Если Виктор захочет построить и держать борт, надо будет пройти специальное обучение.

– Где здесь можно постирать одежду? – Алексей снял энцефалитку и остался по пояс голый..

– Первый маршрут и уже испачкался, – удивился Федор, – и у меня такая рубашка есть, геологи на Дальнем Востоке подарили.

– Энцефалитка для геолога, как гимнастерка для солдата.

– В предбаннике возьми кусок хозяйственного мыла, набери в таз горячей воды и по тропинке иди к реке, там с мостков удобно полоскать.

Алексей отправился стирать энцефалитку и брюки.

– На склоне горы под скалой наткнулись на небольшую лужайку с зеленой травкой и клумбой белоснежных цветов в центре. Алексей шагнул к клумбе, и провалился в землю по самое горло, был бы один, мог и утонуть. Он подозревает, что это Хозяйка гранитной горы его подманивала, чтобы похитить.

– Знаю это место на склоне у ЛЭП, в том болотце глубина больше десяти метров, камень, привязанный к веревке, так и не достал дна, прямо какой-то тоннель-колодец, ведущий вглубь горы. Там в позапрошлом году детеныш косули утонул, волки его вытащили и съели. Собирался обнести это опасное место заборчиком, да вот руки заболели.

– Мы огородили жердями, как смогли, для безопасности людей. А что, здесь обитают волки?

– Небольшая стая, но контролирует большую территорию, на восток за Магнитным хребтом совершенно дикие места.

– И еще мы видели сильно развороченный муравейник, как будто медведь его разорил.

– Медведица и сынок-пестун иногда приходят из-за хребта, а может быть зимовали в берлоге, где-то внутри горного массива.

– На вершине Вилесовой горы мы видели зайца, лису и даже козлов, один был с тремя ветвистыми рожками.

– Это не козлы, а сибирские косули, у некоторых бывают рожки даже с шестью отростками. И как близко они вас подпустили?

– Метров двести, может быть меньше. Вы что, охотник?

– Я свое уже отохотился, что-то перегорело в душе, не могу животных убивать, ружье сыну отдал. Здесь совсем недалеко с полверсты на правом берегу Сатки есть уютный потаенный распадок, называется Рачев лог, туда с гор спускались косули лакомиться корой молодых веточек ольхи. Я стал их прикармливать, накопил сена, поставил стожок, нарубил веточек, и еще, обустроил солонец, для копытных это первое дело. Косули пугливые, но со временем перестали меня бояться, отбегут метров на двести, и стоят, смотрят, глаза у них умные, выразительные, а возглавлял стадо самец с пятью веточками на рогах.

– Ну, прямо как в сказке Бажова, у козла «Серебряное копытце» рожки тоже были с пятью отростками.

– С этими косулями и моими внуками приключилась сказочная новогодняя история.

– Обожаю сказочные истории, особенно новогодние, расскажите, пожалуйста.

– Младший сын с женой собрались за границу, заработать на кооперативную квартиру, и привезли к нам своих дочерей семилетних двойняшек Марию и Дарью. Удивительные девочки, ласковые, добрые и послушные, ходят, держась за руки, спят в обнимку, как котята, и даже плачут вместе. Даша пальчик дверкой шкафа прищемила и заплакала, а Маша вслед за ней. Я спрашиваю: «А ты чего плачешь?» Она сквозь слезы отвечает: «Мне тоже стало больно!» И смех у них звонкий, радостный, заразительный. Никогда им не скучно, вместе играют и веселятся, стихи громко читают, или книжки, один абзац вслух читает Даша, следующий Маша. Похожи друг на друга, как две капли воды, но главной все равно считается Даша, она всегда говорит от имени обоих, а Маша никогда не возражает, как будто у них заранее всё согласовано.

И еще народные песни поют, голоса у них изумительные, звучные, распевные. Иногда целые концерты на станции устраивали, даже рабочие приходили слушать. Нынче учатся в

музыкальной школе. За победу на городском конкурсе народной песни заработали путевки в Артек, и там почти каждый вечер устраивали концерты, прислали нам магнитофонную запись их выступления на конкурсе, они пели «Степь широкая». Мы теперь каждый вечер слушаем эту запись по несколько раз. И что самое удивительное, в нашем селе двойняшек было много и мальчиков и девочек, так они жили вовсе не дружно, мальчишки задирали друг друга и даже дрались, а девчонки ссорились из-за игрушек и сладостей. А внуки наоборот, когда им дают что-нибудь вкусное, то они сразу друг дружке передают, а потом делят и опять стараются отдать сестре больше или вкуснее. Сердце радуется, глядя на них. Это мать их так воспитала, она музыкальное училище окончила, и девочки каждый день поют вместе с мамой. Оно и понятно, Сергей еще мальчишкой говорил, что женится только на девушке, которая будет похожа на его маму, долго искал, и, наконец, женился. Но внешне Серафима на Анюту совсем не похожа, да и по темпераменту тоже: всегда радостная, веселая, смешливая, но удивительно добрая, честная, и отзывчивая женщина, всегда готовая прийти на помощь. И девочки пошли в мать, ее натура.

– Да, удивительные девочки, а причем тут сказочная история?

– Ой, извини, как начинаю говорить о внучках, не могу остановиться. Зимой тут жить скучновато, а с приездом девочек наступил самый счастливый год в нашей жизни: Анюта готовила их к школе, занимались русским языком и арифметикой, а каждый день катал их верхом на коне и в санях с колокольчиками. Зимними вечерами у печки рассказывал им сказку Бажова «Серебряное копытце», они слушали на одном дыхании, и размышляли встретить настоящего козлика с пятью рожками. А когда узнали, что он тут рядом живет и можно его увидеть, совсем покой утеряли, чуда захотели.

– Как я их понимаю, кто в детстве не мечтал о чуде.

– Вот, и я также подумал. Помнишь, в повести Александра Грина «Алые паруса», капитан Грэй сказал: «Чудеса надо делать

своими руками, и, если человек хочет чуда, сделай ему это чудо». И захотелось мне тоже сотворить чудо, показать девочкам козлика с рожками по пять веточек. Стал готовиться, съездил в Челябинск, и в ювелирном магазине купил две пригоршни уральских самоцветов в кожаных мешочках. В ту зиму снег был очень глубокий и с маленькими детьми до кормушки не дойти. Несколько дней по вечерам на охотничьих лыжах утапывал тропу к стожку, чтобы конь смог довести сани до распадка. Положил под стожок куски соли-лизунца, и спрятал мешочки с самоцветами. Тщательно замел следы на снегу, чтобы косули не почуяли. Под Новый год день выдался яркий, солнечный радостный. Запряг коня в легкие розвальни, и сказал девочкам, что едем в гости к козликам, они обрадовались, и стали просить взять с собой нашу кошку Мурёнку. Я напомнил, что в сказке Мурёнка ушла вместе с Серебряным копытцем, да и кошка не очень-то хотела ехать, но они ее приласкали, взяли на руки. Посадил их в сани, укрыл тулупом, а себя замаскировал охапкой сена. Подъехали к распадку. Вокруг стожка кормились несколько косуль, и среди них самец с рогами по пять веточек. Коня они не боялись, и совсем близко нас подпустили, а как меня в санях заметили, испугались, и сразу побежали в гору. Девчонки обрадовались и закричали: «Это был он, Серебряное копытце с рожками по пять веточек!» Когда под стожком обнаружили два мешочка с самоцветами, то радости не было предела, заорали, обхватили меня, чуть не задушили, стали кричать: «Дедушка, ты самый добрый волшебник в мире!» Поняли, что к этому чуду я тоже имею отношение. В новый год нарядили елку и девочки стали разбирать камешки, а я рассказывал им, как они называются. Подвесили их на елку на ниточках и зажгли свечи. Вот такой у нас получился чудесный уральский новый год.

– Да, чудеса надо делать своими руками.

– И еще, я понял, что тот, кто делает чудо, счастлив не меньше тех, для кого он старался.

– Это очень важная мысль.

– Девочки до сих пор вспоминают тот день и благодарят, когда поздравляют с Новым годом, и обязательно передают привет козлику Серебряное копытце. Это их мать Серафима так воспитала, удивительная женщина, настоящий интеллигент.

– Интересно, кого вы считаете настоящим интеллигентным человеком?

– Определения давать всегда очень трудно, – смутился Федор, – великий древнегреческий философ Платон определил человека, как «существо, ходящее на двух ногах, но без перьев». Чтобы его высмеять, философ Диоген, ну, тот который жил в бочке, бросил в сад философа ошипанного петуха и закричал: «Смотрите, вот он, человек Платона!»

– Но Платон потом добавил к своему определению: «С широкими ногтями», – заметил я.

– Вот, и я задался вопросом, а сейчас через две с половиной тысячи лет, в свете современных знаний, как ученые определяют человека. Посмотрел словари, энциклопедии. Оказалось, что это: «Живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия труда и пр.». Но грудной ребенок уже человек, хотя не умеет говорить, создавать и пользоваться орудиями труда. Или, мужчина и женщина – физиологически разные существа, но к каждому подходит определение человек. У прежнего начальника нашей станции Глеба Егорыча жил ручной ворон со сломанным крылом, который умел немного говорить, пользовался веточкой, чтобы достать корм из бутылки, и обладал сознанием на уровне трехлетнего ребенка. Так вот, он тоже вполне подошел бы под нынешнее определение человека.

– Так как же с определением интеллигента? – напомнил я.

– В литературе и словарях много формулировок, но я придумал свое определение настоящего интеллигента: это, независимо от образования, честный, глубоко порядочный Гражданин, который никогда не обманет, не обидит и не оскорбит другого ни в чем не повинного человека.

– А не настоящие интеллигенты, они какие?

– Это лживые, алчные и подлые людишки, их мало, но они нахальным образом так ловко расположились, особенно во власти, что встречаются почти на каждом шагу.

– А ваши дети интеллигенты?

– Да, они русские интеллигенты.

– Что, бывают еще и такие?

– Да, русский интеллигент не только остро ощущает чужие страдания и боль, но даже может за это дать обидчику в глаз. На стихийном рынке у вокзала ветхая старушка пыталась обменять старенькое пальтишко своей внучки на кусочек мяса. А продавец ее оскорбил и назвал «совком». Нынче это гнусное словечко, призванное оскорбить советскую власть и советских людей, демократы пытаются внедрить в обиходный лексикон. Подошла другая старушка – фронтовичка из совета ветеранов, и молча врезала хаму продуктовой сумкой по башке. Он разорался, и даже замахнулся на нее. Но тут подошел участковый, бывший афганец, и потребовал у продавца документы на мясо, ну и выгнал его с рынка.

– К сожалению, русские интеллигенты очень часто и долго терпят хамство, наглость и подлость не настоящих интеллигентов.

Вернулся Алексей.

– Что так долго?

– Утку ловил в реке.

– Какую утку?

– Дикую, серенькая такая. Стал полоскать штаны, а она подплыла так близко, что рукой можно схватить. Я прыгнул в реку прямо на нее, но она успела нырнуть раньше.

– Быть может, это Хозяйка гранитной горы опять решила заманить тебя при помощи утки? А что, видит красавец мужчина, почти голый и ничей.

– Что значит «ничей», я женат и у меня маленький сын Иван.

– Для одиноких женщин, мужчина в тридцати метрах от дома, считается ничьим. – Усмехнулся Федор. – А зачем ты утку ловил, у вас есть нечего?

– Инстинкт охотника сработал, – смутился Алексей, – дичь идет прямо в руки, как тут устоять. Люди они же хищники!

– Люди относятся к плотоядным приматам, а не к хищникам.

– Но некоторые все-таки стали хищниками, – добавил Федор. – Эта утка подранок, с весны здесь осталась, ее стая улетела дальше на Север. Мы назвали её Серая Шейка, как в сказке Мамина-Сибиряка. Местные утки другого вида и ее стаю не принимают, она бедная в одиночестве плавает на реке и тоскливо крикает. Потом стала подплывать к нашему берегу и посматривать на кур и гуся. Если она не успеет поправиться к перелету, то дела ее плохи, в суровые зимы наша речка промерзает почти до дна.

– У нас в Ленинграде на Неве и некоторых прудах утки живут в полыньях все зиму, правда, люди их подкармливают.

– Серая Шейка тоже любит кусочки хлеба, почти из рук берет. На берегу под мостками я устроил ей гнездо из старой плетеной корзинки, и она теперь часто в нем ночует. Виктор ее сфотографировал, а я послал внукам письмо с фотографией, и написал, что у нас на реке под мостками теперь живет раненая Серая Шейка, но, если к зиме она не поправится, то ее может съест лиса, которая зимой бродит около нашего курятника. Быть может, придется утку вместе с гусем отправить в совхозный птичник.

– Так после вашего отъезда их сразу пустят на мясо, – заметил Алексей.

– Да, я тоже этого опасуюсь. И внучки это не одобряют.

– Все у вас тут как в сказке – гусь Мартин, Серая Шейка, Серебряное копытце, не хватает только Конька-горбунка.

– Конек-горбунок тоже есть, – засмеялся Федор, – скоро познакомлю.

– Пора вашу станцию переименовать в Сказочную.

Мы вдвоем насухо выжали мокрую одежду Алексея. Федор собрался домой.

– Когда закончите париться, свет в бане потушите, а дверь в парилку оставьте открытой на просушку.

Мы боялись, что нам не хватит пару, но баня оказалась вытоплена так, что в темном чреве печи алели камни. От сухого горячего воздуха потрескивали волосы, париться было невозможно. Алексей плеснул на камни ковш горячей воды с квасом, и пулей выскочил из парилки, через открытую дверь повалил пар, и запахло печеным хлебом. Без шапки заходить в такое пекло было страшно, и мы обмотали головы полотенцами. Алексей парил меня сразу двумя вениками, от нестерпимого жара я орал так, что слышно было, не только на станции, но и, наверное, в Сатке. По тропинке сбежал к речке и плюхнулся в прохладную воду. Серая Шейка, сидевшая под мостками, с шумом отлетела прочь, и, часто окунаясь, недовольно покрякивала. От разгоряченного тела валил пар. Какое это блаженство после тяжелого маршрута принять первый

пар, и, смакуя домашний квас, сидеть на скамейке под ночным небом с мигающими звездами. Слышно было, как яростно парится и орет Алексей, нахлестывая себя двумя веникам. Наконец, он выскочил из бани красный как вареный рак и помчался к реке. Вернувшись, он залпом выпил кружку кваса, сел на лавку и произнес:

– Ну и денек сегодня выдался, сплошные приключения, но, нам ли быть в печали, Учитель? И жизнь-то, вроде, налаживается!?

Эту фразу Алексей запомнил из моих рассказов о школьном друге, который частенько приходил ко мне с печальным известием, что жизнь стала невыносимой, и он решил с ней расстаться, а ко мне зашел на минутку проститься. На уговоры не совершать такой поступок он быстро соглашался, и после третьей стопки произносил: «А жизнь-то, вроде, налаживается!?» И когда понимал, что «пора и честь знать», с удивлением вопрошал: «А на ход ноги? А стремennую?» Но все равно, каждый раз этот номер у него успешно проходил, страшно было, не поддержишь друга в трудную минуту, а он, отвергнутый, возьмет и по-настоящему повесится.

Утром Федор принес кринку холодного молока и пучок зеленого лука.

– Вчера в бане вы орали на всю округу.

– Что, мешали?

– Нет, просто завидно стало. На Дальнем Востоке так орал в бане наш сосед Михаил, бывший матрос Тихоокеанского флота, комендор башенных орудий.

– Сколько мы вам должны за молоко? – спросил я на всякий случай.

– Анатолий, не обижай. Это наш маленький вклад в дело изучения знаменитого на весь мир Бердяушского массива грантов рапакиви.

***

За первую неделю посетили обнажения, детально описанные в монографии Заварицкого. Поток геологической

информации, которую мы получали каждый день, просто ошеломлял. И я никак не мог представить себе механизм образования таких причудливых горных пород. Например, породу, состоящую на 70-80% из округлых кристаллов кварца, точно такого же, как и в гранитах рапакиви. Заварицкий назвал ее «кварцплетовый гранит». Но, согласно петрографическому кодексу, такая порода не может называться гранитом, который должен содержать не более 40% кварца.

– Действительно, самое подходящее название для такой породы ЧЗЧ – черт знает что! – констатировал Алексей.

– Если факт невозможно объяснить существующими теориями и гипотезами, значит, эти теории, скорее всего, не верны, нужна новая концепция, которая, впрочем, также может оказаться неверной.

– Тогда зачем вообще что-то изучать, если, в конце концов, все гипотезы окажутся ошибочными. Посмотрим, что пишет Заварицкий по поводу этих гранитов? – Алексей достал и раскрыл книгу, которую мы всегда брали с собой в маршруты: «Очевидно, при некоторых условиях дифференциация может привести к обособлению от магмы рапакиви этого ультракислого типа гранита». Жаль, что Заварицкий не написал, какие это могут быть условия.

– Вот, ты и придумай, любое научное открытие всегда начинается с фантазии – мысленного представления ожидаемого результата. Ученые без фантазии, как птицы без крыльев, гадить могут, летать нет.

– Ура, я понял, как могла образоваться такая порода: в глубинной магматической камере зерна кварца всплывали в гранитном расплаве и накапливались верхней части интрузии.

– А почему всплывали?

– Ясен пень, из-за разницы в плотности, кварц легче расплава.

– Не факт, твердое вещество, как правило, плотнее и тяжелее жидкости, из которой оно кристаллизовалось.

– А лед, он же легче воды, из которой образовался? – Тут же нашелся Алексей.

– Это особый случай. Но ты, почти угадал.

– Вы хотите сказать, что уже придумали механизм образования такого гранита?

– В бутылке с газированной водой, когда ее открываешь, падает давление и выделяются пузырьки, растворенного в ней газа, они устремляются вверх. Так же было и в магме рапакиви при ее внедрении и падении давления в расплаве: растворенный в магме газ выделялся в самостоятельную фазу, просачивался сквозь магму, и способствовал всплытию в ней зерен кварца. Это и могло привести к накоплению кварца в верхней части магматической камеры, а это значит, что кварц уже был в расплаве, при внедрении магмы.

– Гениально, Учитель, да мы же с вами догадались, как образовались эти уникальные граниты, мы круче самого Заварицкого!

– Я же говорил тебе, что все в наших руках, а эти граниты, в наших будущих научных публикациях, предлагаю называть «шебановитами».

– Вы льстите мне, Учитель, – смутился Алексей.

– Пускай это будет первым шагом к твоему мировому признанию.

– Если бы я смог месяц поработать здесь вместе с любимой девушкой, то сделал открытий не меньше, чем Заварицкий.

– Флаг тебе в руки и попутный ветер в спину.

– Да, и паровоз навстречу?

– Нет, пожелание от чистого сердца.

Большая часть непонятных горных пород встречалась в развалах глыб курумника, или в осыпях на крутых склонах, и не удавалось наблюдать переходы между ними. Массивы рапакиви в южной Карелии и на Карельском перешейке однообразны на огромных площадях. Можно идти маршрутом десятки километров, и в обнажениях встречались одна, или две разновидности гранитов, а тут в одном развале коренных пород

находились несколько совершенно разных по виду пород. Нужна была творческая передышка, во время которой попытаться найти связи между различными, на первый взгляд, породами. Как при решении кроссворда: сначала надо создать каркас, вписывая буквы только тех слов, в значении которых уверен на сто процентов, а уже потом выбирать из слов, имеющих несколько значений. И еще раз как следует рассмотреть образцы и думать, думать, думать!

Решили устроить камеральный день, и заодно истопить баню, дрова остались в избытке еще с прошлого раза, а на путях уже сгрузили новую партию. С утра я послал Алексея в город за продуктами. Несколько банок дефицитной по тем временам тушенки и сгущенки мы привезли с собой, остальные продукты закупали в местных магазинах. И еще следовало узнать, где в городе можно приобрести деревянные ящики для перевозки образцов. Виктор посоветовал заказать их в столярном цехе комбината Магнезит, и уже позвонил знакомому начальнику, чтобы нам не отказали.

– Поедешь в Сатку и в столярном цехе комбината Магнезит закажешь шесть ящиков, запиши размеры.

– Учитель, обижаете, не первый день в геологии, знаем, – Алексей все время старался подчеркнуть, что он уже опытный геолог.

Я разложил на столах образцы пород и внимательно перечитывал монографию Заварицкого, но ничего путного так и не придумал. Проблема это когда не знаешь не только с чего начинать, но и что вообще надо делать. В таких случаях спешить, никогда не стоило, либо со временем научная проблема утратит свою актуальность, либо подсознание с ней справится и подскажет верное решение.

Во время творческого перерыва отправился в гости к Федору. Еще на подходе к дому заметил, что в палисаднике кто-то возится. Сначала подумал, что это жена Федора, но женщина выглядела очень молодо, быть может, к ним в гости невестка приехала? Подойдя ближе, заметил, что светлые волосы на

голове женщины, которую я сначала принял за блондинку, имеют смертельно белый оттенок седины.

– Здравствуйте, – громко произнес я.

Женщина обернулась. Федор был прав, Анюта действительно выглядела как молодая девушка, стройная фигура, легкость в движениях, короткая стрижка и красивое лицо без единой морщинки. Она сразу напомнила мне какую-то известную киноактрису.

– Я ваш сосед, геолог из Ленинграда, зовут Анатолий.

– Очень приятно, я Анюта.

– А отчество?

– Просто Анюта.

– Федор Иванович дома?

– У него сегодня библиотечный день.

– Вот как?

На геологическом факультете научные сотрудники и преподаватели использовали фразу «у него (у неё) сегодня библиотечный день» когда начальство интересовалось причиной отсутствия сотрудника на рабочем месте. В этом случае придраться начальству было не к чему. А на полустанке библиотечный день был настоящий.

– И когда он вернется?

– В шесть часов вечера на рабочей дрезине.

– Извините, я зайду позже.

Конечно, мне хотелось немного поговорить с Анютой, но не было подходящей темы. Она сняла с руки рабочую перчатку, и я заметил, как на безымянном пальце правой руки блеснуло золотое кольцо.

– У вас красивое кольцо.

– Обручальное, – улыбнулась женщина, и подняла руку, показывая мне украшение, – дети подарили на сорокалетие нашей свадьбы, красивое, правда?

Золото сверкало на Солнце гранями алмазных насечек, а рубин светился, как раскаленный уголек.

– Раньше не носила украшения, нужды в том не было, вся жизнь прошла на глухих полустанках и разъездах. Но, почему-то всегда очень хотелось иметь обручальное кольцо.

– А почему Федор Иванович не носит кольцо?

– Сначала носил, но только дома. Когда в город ехал, обязательно снимал, стеснялся, что на пальце старика ярко блестит золотое кольцо с рубином. А потом суставы на пальцах вдруг распухли, хорошо успел вовремя снять кольцо.

Все темы для разговора были исчерпаны, и я собрался идти домой.

– Пойдите, возьмите кринку молока и немного творогу, я сейчас принесу.

Анюта скрылась в погребу, а я попытался вспомнить, какую из киноактрис она мне напоминает. У артистов кино, обычно запоминающиеся лица, но, не все люди способны выделить их из общей массы. Ходили слухи, что при монтаже кинокартины «Мимино» из фильма вырезали сцену, в которой грузин Кикабидзе и армянин Мкрытчан едут в лифте с двумя японцами, похожими друг на друга, как две капли воды. Японцы ошарашено смотрят на попугчиков, и один говорит другому: «И почему эти русские все такие одинаковые, интересно, как они сами распознают друг друга?»

Мне всегда казалось, что у меня отличная зрительная память на лица. Но в Китае, в начале полугодовой стажировки, все китайцы были для меня как братья близнецы – на одно лицо. Правда, вскоре я научился различать их, а знакомых и коллег стал узнавать с любого ракурса.

У Анюты было красивое лицо: большие выразительные глаза, курносый нос, ямочки на щеках, узкий подбородок и маленький рот. И, вдруг, я понял, что она напоминает Екатерину Зинченко в роли мисс Морстен в фильме «Сокровища Агры» из серии «Шерлок Холмс и доктор Ватсон».

Хозяйка вернулась с небольшой кринкой молока и с баночкой с творога.

– Сколько я вам должен? – на всякий случай спросил я.

– Нисколько, это просто угощение. Пустую крынку ополосните, и повесьте на штaketник около калитки, я потом заберу. Еще попробуйте наш сыр. Только сначала надо сделать глоток молока. Это меня невестка научила.

– Очень вкусно, – похвалил я, – Федор Иванович рассказывал мне, какие у вас замечательные внуки.

– Просто чудо! – воскликнула Аня. – Добрые, ласковые и, главное, талантливые. Вы бы слышали, как они поют. Заходите в гости, у нас есть магнитофонная запись конкурсных песен. Мы с Федей слушаем почти каждый вечер.

– Обязательно зайду.

– А у вас внуки есть?

– Нет, мой сын еще не женился, но я, хочу мальчиков, а жена девочку.

– Мальчики, конечно, хорошо, но они всегда какие-то целеустремленные: хотят быть, космонавтами, капитанами или военными. Все время играют в войну, сабли, пистолеты, автоматы. И не представляют, какой это ужас – война на самом деле. Все мои сыновья военные и внуки тоже, утешают нас: «Не бойтесь, границы на замке, не пустим больше фашистов на нашу землю». А Федор им говорит: «Фашисты теперь не через границу лезут, а под овечьими шкурами демократии свободно проникают на нашу территорию и формируют пятую колонну». Страшное грядет время.

Аня вздохнула и замолчала. Я уже собрался уходить, но она вдруг оживилась.

– Я пожелаю вам внуку. Девочки такие нежные, ласковые, романтичные, всегда живут в сказке, мечтают о принце с алыми парусами, играют в дочки-матери, готовят себя к материнству. Внуки это праздник души для родителей, а особенно для бабушек, я очень счастлива.

Красивые женщины редко бывают счастливыми, но Аня повезло.

Из-за угла дома показалась соседка Мария, наверное, услышала наш разговор и тоже захотела пообщаться. Но шла она мимо нас, нарочито глядя в сторону. Я громко поздоровался:

– Добрый день!

Мария обернулась с таким видом, будто лишь сейчас нас заметила, и демонстративно поздоровалась только со мной. Стало ясно, что соседи не в ладах.

– Мария, здравствуй! – Дружелюбно приветствовала ее Аня, несмотря на явное неуважение соседки. – Я завтра еду в Сатку в молеальный дом, поехали со мной.

– А что я там забыла? – С откровенной неприязнью воскликнула соседка. – Руки попу целовать, или иконы?

– Никого целовать не надо, даже креститься не обязательно. Поставишь свечку «за упокой», родителей вспомнишь, расскажешь, как живешь, они будут рады. Бог все слышит, им передаст, он всемогущий всем помогает, и всех прощает.

– За что меня прощать, я людей не убивала. Где был твой всемогущий Бог, когда фашисты гражданских людей убивали, или, когда нацисты евреев и русню резали, и еще орали, что мы безбожники. Кому Бог тогда помогал? Всю мою семью убили: отца, беременную мать и брата. Отец меня в подпол успел запихнуть вместе с кошкой, и сундук на люк надвинул. Три дня редела, пока люди не вытащили, потом год заикалась и не разговаривала. Это местный поп сдал нашу семью фашистам, он коммунистов ненавидел.

Мария так разволновалась от страшных воспоминаний, что у нее затряслись губы. Аня тоже стала всхлипывать и чуть не разрыдалась. Если сейчас настроение женщин попадет в резонанс, они обе разревутся, и мне будет их не унять, в таких случаях надо резко переключить их внимания на что-нибудь другое.

– Смотрите, там, на горе медведь! – Воскликнул я.

– Где? Где? – испугались женщины.

Напротив станции за рекой круто воздымался склон горы Горелая Релка, на ее вершине стояла раскидистая лиственница.

– Слева, около дерева, видите бурое пятно?

– Нет, это камень, – определила Анята.

– Медведица с пестуном здесь часто появляются. Сынок её любит хулиганить, спихивает с вершины камни, вызывая камнепады. Виктор даже стрелял в воздух, чтобы его отогнать.

Женщины немного успокоились, но Анята продолжила развивать божественную тему:

– Мария, нельзя жить в таком ожесточении, – обратилась она к соседке, – надо впустить Бога в свою душу, прощать и любить людей.

– Не верю я в такого Бога, вон, Анатолий, образованный человек, и тоже, наверно, безбожник?

К дискуссиям о Боге с верующими людьми я был не готов. Когда в университете слушал курс атеизма, то, однажды, решил побеседовать на тему религии с верующей мамой, и был наголову разбит в споре ее аргументами.

– Вообще-то я не безбожник, и крещеный. В университете изучал научный атеизм, который утверждает, что не Боги создал людей, а люди создали Богов. В нашем мире Боги действительно существуют, но только в сознании и душах людей, также в виде материальных памятников культуры: архитектурных, литературных, музыкальных и художественных произведений.

– Зачем же тогда атеисты, если они такие умные, разрушали памятники религиозной культуры?

Я понял, что попал под раздачу.

– Несправедливо, когда за деяния одних, упрекают других. Храмы и памятники религиозной культуры разрушали, и запрещали использовать по назначению, не только атеисты, но и сами верующие, этому множество исторических примеров. Христиане разрушали идолы язычников и мечети, а мусульмане христианские храмы, даже на Руси православные жестоко преследовали своих единоверцев старообрядцев. Не так ли?

Наступила небольшая пауза, и я решил, что удачно отбился от неудобных вопросов, но перевести разговор на нейтральную бытовую тему не успел.

– И все-таки Бог есть, – упрямо заявила Аня, – ну, как можно доказать, что Библия вымысел?

– Иудейская, христианская и мусульманская религии утверждают, что все события, произошедшие в мире, описаны в Библии. Геологи пытались обосновать ее достоверность, и найти признаки Всемирного потопа – останки множества утонувших людей, но обнаружили только скелеты огромных саламандр, которые не были описаны в Библии, а потом ещё нашли кости гигантских ящеров, которые бродили по земле миллионы лет тому назад.

– Ну, и причем здесь Бог в душе человека? – Недовольно, но уже тише, произнесла Мария.

– Сотворенные людьми религии, создали человеческую мораль и духовные ценности всемирного значения. Поэтому христианские и другие религиозные заповеди обязательно должны быть в душе каждого человека, а если в душе нет Бога, то там обязательно поселяется Дьявол, и делает человека злым, алчным, подлым, способным лгать, воровать, и даже убивать.

Соседка махнула рукой и пошла дальше на луговину.

– Мария, заходи вечером в гости, дети прислали нам изумительный китайский чай.

Соседка буркнула себе под нос что-то, типа «обойдусь», но Аня вслед осенила ее крестом.

Вдруг Мария обернулась и громко крикнула:

– Верка!

Из-за угла выскочила рыжая кошка и вприпрыжку побежала за хозяйкой.

– Эту кошку Мария привезла с собой. Она совершенно дикая, и никого кроме хозяйки не признает. Хочешь угостить ее чем-нибудь вкусным, она прижмется к земле, и опрометью бросается в сторону, за хозяйкой все время ходит как привязанная, на работу провожает, в шесть вечера сидит у

платформы встречает, обязательно идет с ней на луговину травы и корни собирать. И с нашей Муренкой не дружит, даже шипит на нее, если повстречает.

– Мария старше вас?

– Нет, она значительно моложе, но так много горя в жизни хлебнула, что ожесточилась на весь мир, и ходит всегда угрюмая. Такая глубокая душевная рана, что никак не заживёт. От ее воспоминаний у меня сердце кровью обливается, так сопереживаю, что даже иногда плачу. Особенно когда она повторяет этот жуткий рассказ, о фашистском лагере смерти около деревни Озаричи, слышали о таком?

– Нет, – ответил я.

– Там погибли все жители моей деревни. Когда в Полесской области фашисты сожгли деревни и поля, угнали и забили скот, то на огороженное колючей проволокой болото согнали десятки тысяч нетрудоспособных стариков, инвалидов, женщин, детей, и ещё больных сыпным тифом людей, чтобы их не кормить. Крыши над головой не было, еды не было, только один раз за все время до освобождения, как собакам бросали за колючую проволоку эрзац хлеб из березовых опилок. Воду пили из проталин, кругом лежали трупы умерших людей, земля везде была покрыта жидкими фекалиями. Люди в бреду, с температурой сорок градусов лежали на обледенелой земле...

– Какой ужас, для чего они это делали?

– Прикрывали свою оборону перед наступлением наших войск, чтобы им дали отойти без боя угрожали подвергнуть гражданское население миномётному обстрелу, и советское командование гарантировало им отход в течение суток без преследования отступающих. В момент освобождения из пятидесяти пяти тысяч в живых осталось шестнадцать тысяч детей, тринадцать тысяч женщин, и четыре с половиной тысячи стариков. Среди освобожденных семь тысяч оказались больны сыпным тифом, их специально оставили для распространения инфекции в войсках и госпиталях. Это Федор узнал из материалов Нюрнбергского процесса.

– Сколько же лет было тогда Марии?

– Она и сама не знает, лет пять или шесть, после убийства родителей никаких документов не осталось. День рождения ей записали в марте, в день, когда она очнулась от тифозного обморока.

– И что потом сделали с фашистами?

– Только одного генерала Рихерта повесили, а шестнадцать человек получили по двадцать пять лет, а надо было всех расстрелять за двадцать две тысячи замученных и убитых советских людей. А те, которые сдались американцам, стали демократами, и прекрасно живут в Германии, Америке и Канаде. Мария как начнет об этом рассказывать, так от жутких воспоминаний чуть ли не в истерику впадает, кричит, ругается и проклинает всех на свете, сразу на меня обижается, как будто это я во всем виновата, потом даже не здоровается и не разговаривает несколько дней. Никак нам не удается наладить дружеские отношения, и Федя, наверное, что-то не так ей сказал, и она вдруг на него взъелась. Однажды спрашивает меня: «Как ты могла выйти за него замуж в семнадцать лет? Он же старше тебя лет на двадцать, и на лицо страшный». Я ей ответила: «Он старше меня только на восемь лет, замуж вышла сначала от безысходности, с братиком не хотела расставаться, а потом беззаветно полюбила его всей душой, и теперь для меня это самый лучший человек на свете!»

Анюта вдруг смутилась и покраснела.

– Я рад за вас, за ваших детей, внуков и внучек, и желаю всем добра, счастья и здоровья. Спасибо за молоко, я вечером загляну к Федору

***

Алексей вернулся из города вечерней дрезиной вместе с Варварой и Федором.

– Обед готов?

– Собирайся, пообедаем после бани.

– Жаль, пива к бане купить не удалось, – вздохну Алексей,
– зато воблу достал, – он вынул из рюкзака две серебристые

вяленые рыбины. – Интересный эпизод со мной случился на автобусной остановке. Знал, что не стоит курить в общественных местах и раздражать людей, крайне обозленных отсутствием табака, но позабылся, и закурил. Рядом вдруг нарисовались трое мужиков, и сделали вид, что тоже ожидают автобус, а сами с жадностью смотрели на мою папиросу, ожидая, куда я брошу окурок. Но закурить никто не спрашивал, в нынешние времена это все равно, что попросить бутылку водки у незнакомого человека, народ наш властью унижен, но гордый. Мимо проходил старик ветеран с орденской планкой на груди, увидел меня, подошел, и запросто, как на фронте, попросил: «Сынок, оставь покурить». Достал пачку, угости деда папиросами, и еще трех мужиков, один и подарил мне эти воблы. Оказывается, очень приятно делать добрые дела. Как вы думаете, Учитель, зачтётся мне это там? – Алексей показал пальцем на небо.

– Маловато будет, но если весь запас табака ты раздашь курильщикам, то Господь, прознав про такую щедрость, может сразу призвать тебя на небо и отправить прямо в рай.

– Нет, сразу не надо, я же еще толком не согрешил.

– Ладно, грехи. А ящики заказал?

– Мастер сказал, что когда они будут готовы, он позвонит на станцию.

– А размер? – у меня вдруг шевельнулись смутные подозрения.

– Нормальные размеры, как у ящиков из под взрывчатки.

Самыми удобными для перевозки геологических образцов считались такие ящики. Их обычно доставали около горных карьеров, в которых производились взрывные работы. Для прочности ящики окантовывались дюймовой доской и металлическими углами, а для переноски имели прочные боковые ручки, но заполненные камнями они были тяжеловаты для погрузки одним человеком. По инструкции ящики из под взрывчатки полагалось сжигать, так как они могли пропитаться взрывчатым веществом, но геологам их отдавали даром.

– И сколько будет стоить весь заказ?

– Мастер цену не назвал, но думаю, выйдет не больше двадцати рублей, или расплачусь табаком.

– Ладно, проживем, увидим!

– Так говорил умирающий слепой оптимист! – С ехидцей заметил Алексей. – Теперь посмотрите, какое богатство я добыл, – он достал, большой пробный мешок с образцами пород.

– На комбинате бригадир познакомил меня с главным геологом карьера, выпускником Свердловского горного института, страстным коллекционером минералов. Я рассказал ему, что обучаюсь на геологическом факультете Ленинградского университета, и заведующий кафедрой минералогии Булах Андрей Глебович поручил мне привезти образцы минералов со знаменитого магнезитового карьера. Оказалось, что он знает Булаха, и очень его уважает, и давно мечтает посетить минералогический музей нашей кафедры, вот, выдал мне кучу образцов.

– Угостил его папиросами?

– А как же, он не курит, но пачку взял с удовольствием, друзей угостить.

Алексей разложил на столе образцы синего камня.

– Этот большой кристалл в наш минералогический музей, этот поменьше в мою личную коллекцию, несколько образцов в учебную студенческую коллекцию, а эти – в коллекцию рудных минералов на кафедру полезных ископаемых. Этот образец для моего сына, считается, что магнезит положительно влияет на состояние ребенка и его здоровье, а вы сами выберите себе образец на память. Магнезит также защищает от негативных воздействий на семью.

– Молодец, Булах будет тобой очень доволен.

– Когда вы учились, кто у вас вел практические занятия по минералогии?

– Андрей Глебович, он был самым любимым преподавателем у студентов нашего курса. Мы теперь

обязательно приглашаем его на все наши юбилеи окончания университета.

– Интересно, как вы у него учились?

– Все коллоквиумы сдавал на пятерки, в нашей группе считалось позором заработать четверку по практической минералогии.

– А магnezит на зачете вам попался?

– Да, из-за него, я чуть не схватил четверку. На зачете определил тридцать контрольных образцов, а один ни в какую. Светло-серый мелкозернистый агрегат, очень похожий на известняк или мрамор. Но с соляной кислотой не реагирует, и твердый – стеклом не царапается. Кого из ребят не спрошу, никто не знает, что это за минерал, и в учебной коллекции такой образец никто не видел. Мой друг Володя Абрамов посоветовал засунуть его в парту, а когда сдам зачет, незаметно вернуть в лоток. Не может преподаватель точно помнить, сколько и какие образцы были в контрольной коллекции каждого студента. Конечно, некрасиво было так поступать, но и четверку получать не хотелось.

Подходит Булах, быстро осматривает лоток с образцами, и спрашивает: «А где этот?» Я говорю: «Кто?» Он: «Ну, этот, образец, он у нас один такой». «Какой, – спрашиваю, и показываю, – кальцит?» Он: «Нет, такой зернистый». «Арагонит?» «Нет». «Барит?» «Нет, – и с досадой говорит, – магnezит!» Я достаю образец из парты и говорю: «Вот он, так бы сразу и сказали». Конечно, Глебыч все понял, и со смехом говорит: «Хотел немного подшутить над тобой, и подсунул сложный для определения образец, а ты меня одурачил!» Но пятерку поставил.

– Я хорошо помню этот хитрый образец магnezита. Он действительно такой один, а твердый за счёт тонкодисперсной примеси опала. Булах позволяет себе подобные шутки только со студентами любимчиками, и я отношусь к их числу. Оценку за свои шутки он никогда не снижает. Ну, что, идем в баню?

Федор уже сидел у бани на колоде и заготавливал лучины для растопки.

– Я два веника приготовил, дубовые с можжевельником и мятой, сообщил он.

Пар был высочайшего класса. Мы побежали к речке и прыгнули в холодную воду. Серая шейка выскочила из под настила и с негодующим кряканьем отлетела прочь.

У бани Федор из большого китайского термоса разливал горячий чай в эмалированные кружки, в воздухе стоял какой-то необычный цветочный аромат.

– Нет лучшего напитка после бани, чем крепко заваренный копорский чай.

– Он что, импортный? – спросил Алексей.

– Нет, исконно русский, его делают из иван-чая.

– Да разве иван-чай пьют? Это, вроде, просто название растения.

– Название растения кипрей, но в народе его именуют иван-чаем. Под Ленинградом есть старинное русское село Копорье, слышали о нем?

– А как же, там есть древняя крепость, и еще обнажаются ураноносные и высокорadioактивные черные сланцы копорской свиты. Я с клубом юных геологов ездил туда на знаменитые радоновые озера. Только при чем здесь чай?

– В прошлом веке китайский чай завозили в Россию по суше и морем, стоил он очень дорого, не по карману простому люду, вот и придумали ему отличную замену. Один крестьянин служил некоторое время при русском посольстве в Китае, где и подсмотрел способ изготовления ферментированного чая. Вернувшись на Родину, он организовал производство дешёвого заменителя чайного листа из кипрея в районе села Копорье. Этот чай быстро распространился по всей России, его даже стали продавать под видом китайского чая, и крестьяне этим зарабатывали себе на жизнь. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона приводятся данные, что в конце XIX века

копорский чай производился тысячами пудов, но в двадцатом веке о нем практически забыли.

Мы попробовали ароматный напиток, у чая была какая-то необыкновенная цветочная отдушка.

– Откуда такой удивительный запах?

– Это мой рецепт, листья кипрея сушу, ферментирую и обжариваю, а цветки заготавливаю отдельно и потом смешиваю с готовым чаем, получается как в китайском зеленом чае с лепестками жасмина. Правда, вкусно?

– Рецепт в литературе нашли?

– Меня научил Глеб Егорыч, который раньше был начальником этой станции. Во время войны такой чай заготавливали повсеместно, его даже использовали в народной медицине при лечении гастрита, язвы желудка и двенадцатиперстной кишки. Егорыч страдал тромбофлебитом, а копорский чай разжижает кровь. Берите карамель с повидлом, еще вкуснее будет.

– А где нынче Глеб Егорыч?

– В прошлом году, умер от остановки сердца, мгновенно, как от пули, даже вскрикнуть не успел. Он был младше меня на пять лет, и стыдился, что всю войну находился в тылу, на фронт его не отпустили, и пришлось трудиться на железной дороге. Работали тогда на износ по двенадцать, четырнадцать часов в день без выходных.

– А вот мой дед..., – Алексей собрался прервать рассказчика, но я незаметно прижал палец к губам, чтобы он не перебивал. Студент поднял руку, показывая, что все понял.

Чувствовалось, Федор настроен к воспоминаниям, и мне очень хотелось услышать очередную новеллу.

– За самоотверженную работу в тылу Егорыч получил Орден Ленина, представляете?! Но завидовал моим боевым орденам и медалям, все просил рассказать, за что я их получил. Я отнекивался и говорил, что каждая награда это незаживающая рана, и мы воевали не за них, а за Родину. Хороший он был мужик, светлая ему память. После бани мы с ним частенько

пили копорский чай на веранде, он рассказывал, а я больше слушал. У Егорыча умерла жена, с которой он прожил двадцать лет душа в душу, и через пару лет черт его дернул жениться на молодой. Вначале очень даже любили друг друга, двух сыновей она родила, а потом тот же черт в нее и вселился, вдруг стала злая, сварливая и крикливая, как Ксантиппа.

– Кто это такая? – не понял я.

– Ксантиппа – супруга древнегреческого философа Сократа, её имя стало нарицательным для сварливых жён. Когда жена начинала кричать на Егорыча, он в шутку говорил ей: «Ксана, уймись!» Когда мы только приехали и познакомились, я сразу забыл ее имя, но отчество запомнил. Подумал, что если он так называет жену, то, наверное, это сокращение ее настоящего имени. Однажды зачем-то обратился к ней и назвал Ксенией Петровной, она как разоралась, мало, говорит, что муж обзывается, так еще и соседей научил. «Марфа я, Марфа Петровна, постарайтесь запомнить, а если памяти нет, то где-нибудь запишите!»

– Я слышал, что у Сократа было две жены, – все-таки встрял Алексей.

– Да, вторая жена философа была молодой и женщины все время враждовали, но потом объединялись и набрасывались на мужа. Сократу приписывают утверждение, что мужчине надо обязательно жениться: если повезёт и жена будет хорошей, он станет счастливым, а не повезёт, станет философом. Хотя, если разобраться, стать философом совсем неплохо, а еще лучше стать счастливым философом.

– Где вы так образовались в философии, – опять не выдержал Алексей.

– Глеб Егорыч заразил, у него в домашней библиотеке было много трудов по философии, они мне достались в наследство по его завещанию, вдова передала.

Федор подлил чай из термоса в наши кружки. Алексей, понимающе посматривал на меня, и больше его не перебивал

– Марфа Петровна часто укоряла мужа за мелкие подарки на праздники: «Вон, – говорит, – в кино, настоящие мужики дарят женам золото и бриллианты, а ты одни и те же духи, уже тошнит от их запаха». Роскоши ей захотелось. И на день рождения Егорыч подарил жене золотой кулон и сережки с крошечными бриллиантами. Сначала она пришла в восторг от красоты ювелирных украшений, а потом настала истерика, когда узнала, что деньги на подарок он взял в тумбочке, из суммы, накопленной для покупки большого двухкамерного холодильника.

Федор поднялся и собрался идти домой.

– Поучительная история, – подвел итог Алексей, понимая, что рассказов больше не будет.

– Парьтесь дальше, а то я вас совсем заговорил. Термос оставьте в предбаннике, завтра заберу. Спокойной ночи, ребята.

***

С Запада Бердяушский горный массив ограничивается железнодорожной веткой Бердяуш-Сатка, а с Востока шоссеиной дорогой, соединяющей эти города. Мы собрались пройти маршрутом вдоль восточного склона массива. Заодно, хотели взглянуть на заказанные ящики, и забрать их на обратном пути. На комбинате начался обеденный перерыв, в столярном цехе никого не оказалось. Присели на доски у ворот цеха и стали рассматривать четыре больших ящика объемом в четверть кубического метра. Их стенки были изготовлены из толстой струганной доски, снаружи для прочности окантованной брусом, а по углам еще усилены полосовым железом.

– Хорошие ящики, – заметил я, – в таких можно даже перевозить радиоактивные отходы в случае аварии они останутся целыми и невредимыми. Это что, ящики для готовой продукции?

– Нет, те больше раза в три. Здесь при помощи мостового крана их грузят на железнодорожную платформу и отправляют в цех готовых изделий, там в них загружают расфасованный

порошок магнезита. Мастер пошутил, что иногда продукцию заказывают ради этих ящиков, которые изготавливают из листовницы. Они пользуются большим спросом у местного населения. Магнезит они оставляют прямо в упаковочном цехе, а ящики забирают и делают из них погреб для хранения продуктов.

– А где же наши ящики?

– Наверное, в цеху, – Алексей закурил трубку.

– Здесь курить категорически запрещается, видишь, – я показал на предупредительную табличку, – кругом дерево.

Обеденный перерыв закончился. Из ворот цеха вышел пожилой мужчина. Он крепко пожал нам руки.

– Ну, вот, готово, забирайте, – мастер хлопнул ладонью по одному из ящиков.

– Это, наш заказ? – Алексей от волнения даже осип.

– А что, прочные, выдержат любые камни, как грузить будете, где ваша машина?

Я понял, что мы попали на бабки. Один такой ящик, стоил, наверное, больше моей зарплаты.

– Машины у нас нет, – выдохнул я.

– А как же вы их заберете?

– Вышло недоразумение. Наша геологическая экспедиция научная, всего два человека, и никакого транспорта нет, только два рюкзака. Эти ящики нам не подойдут, и забрать их мы не сможем. Такой ящик даже пустой нам вдвоем не поднять. Быть может, произошла путаница с размерами.

– Никакой путаницы, вот бумажка с вашим заказом.

– Извините, я один размер перепутал, – смутился Алексей, глядя на бумажку, – здесь должно быть не 90, а 19 сантиметров.

– То-то я смотрю, что ваши лица от страха посерели, когда я еще и цену не назвал. Ладно, я тоже виноват, сказали, что для перевозки камней, – непринужденно засмеялся мастер, – ну, я и постарался, чтобы прочнее было. Сделал по образцу, как для нашей продукции, только в три раза меньше.

– Извините, что так получилось, мы виноваты и готовы, так сказать, компенсировать ущерб.

– Ладно, не расстраивайтесь, какой там ущерб. У меня за такими ящиками очередь стоит, завтра все и продам. Ну, а вам какие ящики нужны, пройдемте в цех, посмотрите нашу продукцию, может быть что-нибудь подойдет?

Мне сразу понравились посылочные ящики, сделанные из дюймовой доски. Такой небольшой ящик с камнями даже без ручек, сможет легко поднять один человек. И с учетом наших железнодорожных пересадок это был идеальный вариант.

– Сколько они стоят, – с надеждой спросил я.

Мастер взглянул на меня как на попрошайку, у которого «финансы поют романсы».

– Ну, один рубль такой ящик стоит? – Ухмыльнулся он.

– Да, конечно, – я обрадовался, – нам десять штук.

– В пятницу после обеда будут готовы. Ничего, если стенки сделаю из обрезков горбыля, а дно и крышку из пятимиллиметровой фанеры?

– Конечно, – с облегчением выдохнул Алексей, – а вы курите?

– Уже две недели не курил.

– Что бросили?

– Бросил бы да нечего, и не в кого, – сердито ответил бригадир.

– Тогда, подарок вам, пачка ленинградских папирос.

– Ну, ошеломили, Беломорканал, да еще фабрики Урицкого! Сейчас мужики в штабеля попадают. Ладно, тогда денег не надо.

– Нет уж, мы заплатим, недостойно пользоваться нуждой людей.

С чувством облегчения мы отправились в маршрут.

– Учитель, получилось очень даже выгодно. Десять ящиков по цене одной бутылки водки. Только прошу, Булаху не рассказывайте об этом курьезном случае.

***

Домой вернулись поздно. Алексей остался готовить ужин, а я отправился на разведку, оценить, сколько времени нам понадобится, чтобы перетащить от железной дороги к бане новую партию привезенных дров. Для пробы набрал вязанку из двадцати поленьев, взвалил ее на плечи и понес к бане. Втайне рассчитывал встретить Федора и послушать его рассказы. Он сидел у бани и что-то вытесывал сувенирным топориком.

– Присядь, отдохни. Виктор договорился, и завтра утром путевые рабочие перетаскают дрова к сараям, а я постепенно часть занесу внутрь, остальные сложу в костер.

– В какой костер? – Не понял я.

– Не знаешь, что такое костер? – В свою очередь удивился Федор. – Это круговая поленица, в которой дрова укладываются по радиусам к центру. Круги постепенно уменьшаются по мере роста кладки. В результате получается поленица, схожая с копной сена, которую на зиму сверху накрывается брезентом.

– Что-то подобное я видел в Карелии, но не знал, что это называется костер.

– Вдруг Федор двумя ладонями схватился за грудь. Гримаса боли исказила его лицо. Он глубоко вздохнул, и стал осторожно массировать левое плечо и грудину.

– Сердце болит?

– Не пугайся, не помру, еще не время. Это и есть грудная жаба, по научному – стенокардия. Врачи говорят надо делать операцию, но не могу решиться, устал от боли. Читал рассказ Аркадия Гайдара «Горячий камень»?

– Да, это про старика, который не хотел разбивать волшебный камень, чтобы вернуть свою молодость и начать жизнь сначала.

– Этот рассказ я случайно прочитал в сорок втором году в госпитале, в детском журнале «Мурзилка». Тяжелое ранение у меня было, по тем временам неоперабельное. Подумал тогда, что если бы нашел такой волшебный камень, то наверняка разбил бы.

– А сейчас?

– Помнишь, что старик сказал в конце сказки: «И на что мне иная жизнь? Другая молодость? Когда и моя жизнь прошла трудно, но ясно, честно и, главное, счастливо. Я наконец-то понял, что счастье это любовь! Любовь к женщине, детям, внукам, к работе и увлечениям, к природе, а в целом это и есть любовь к родине. Но, иногда со страхом думаю, что если бы я тогда разминулся с Анютой у колодца, или вообще пошел в город другой дорогой. Кем бы я стал? Что, тогда и внушки на свет не появились бы?»

– Все, что случилось плохое или хорошее, должно было случиться, и его невозможно изменить. А из того, что может случиться, в человеческих силах бороться с плохим, и способствовать добру. У американского писателя О'Генри есть рассказ «Дороги, которые мы выбираем». Ковбой Боб Тидбол из шайки, ограбившей «Вечерний экспресс», перед тем как его застрелил напарник Акула Додсон, сказал: «Дело не в дороге, которую мы выбираем; а в том, что внутри нас, заставляет выбирать дорогу». Писатель, хоть и устами бандита, выразил глубокую мысль. Мне кажется, что по какой бы дороге вы тогда не пошли, все равно пришли бы к счастью, и чудесные внушки должны были появиться в этом мире.

– У меня такое ощущение, что я только начинаю жить. Пусть болят раны, одолевают болезни, но только бы это не кончалось, никогда! Нет, смерти я не боюсь, как в песне «Темная ночь»:

«Смерть не страшна,
С ней не раз мы встречались в бою,
Вот и сейчас,
Надо мною она кру-жи-ться».

Старик зачем-то посмотрел на небо, словно там, в темноте кружилась его невидимая смерть.

– Только не «радостно мне», как дальше в песне, страшно, за новые поколения, великое горе ожидает нашу страну.

– Все-таки, перестройка началась, гласность, демократия.

– Как известно, прежде чем улучшиться, ситуация ухудшается. Насчет перестройки в народе шутят: «Кто умеет, тот строит, а кто не умеет, перестраивает: директор перестроился, заместитель перестроился, а на ясли шиферу не хватило». И результаты перестройки на лицо: очереди, мяса нет, рыбы нет, табака нет, и водки нет. И еще, мужики полагают, что перестройка закончится перестрелками и войнами.

– Конечно, очереди и дефицит унижают достоинство людей, и озлобляют их, но, в конце концов, быть может, все наладится?

– Нет, власть имущие намеренно устраивают проблемы с нехваткой продуктов. Весь этот дефицит можно было закрыть погашением части международных долгов, которые нам все равно не вернуть. А что делать людям в условиях искусственного дефицита, разгромили мужики табачные киоски в Челябинске, и что дальше? Идти против советской власти с пятой колонной во главе, на радость фашистам? В прибалтийских и закавказских республиках уже свои деньги печатают в Канаде, и расцветает русофобия и нацизм.

Федор разволновался, и со злостью вонзил топорик в смолевую чурку, немного помолчал, и, успокоившись, продолжил:

– Даже у нас на Урале в открытую заявляют об уральских франках и тагильских слипах. Скажи, ну, какому русскому мужику могли понадобиться такие деньги?

– Да, если Уральский хребет переломить, то всей стране пропасть. Одно радует, что началась разрядка мировой напряженности, часы Судного дня, перевели назад на четыре минуты, и сейчас они показывают 10 минут до полуночи.

– Что за часы, не знаю.

– Это проект учёных-атомщиков создателей первой атомной бомбы. На обложке журнала Чикагского университета «Бюллетень учёных-атомщиков», начиная с 1947 года периодически публикуется изображение часов, с часовой и минутной стрелками, показывающими без нескольких минут

полночь, время, оставшееся до полуночи, символизирует опасность начала ядерной войны, а полночь – момент ядерного катаклизма. При первой установке часы Судного дня показывали без семи минут полночь, а в 1949 году, когда Советский Союз испытал ядерную бомбу, стрелки перевели на отметку – три минуты до «уничтожения человечества». В 1953 году, после испытаний СССР и США термоядерных бомб, часы показывали без двух минут полночь. И вот сейчас стрелки перевели назад сразу на четыре минуты, по сравнению с 1988 годом, когда СССР и США подписали договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

– Только я думаю, что это не разрядка, а капитуляция, уже был исторический опыт договора о ненападении с Гитлером. Чем закончилось? Двадцать пять миллионов советских людей погибли. При этом миллионы фашистов в Европе и за океаном после войны выжили, никуда не делись, а только расплодились, объявили себя демократами и жаждут реванша.

– Но, все-таки, демократия это выборная система власти, в которой участвует народ, что тут плохого?

– Демократия это не власть народа, как ее выставляют перед всем миром вот уже две с половиной тысячи лет, а власть олигархии и охлократии – так Платон называл управляемую олигархами толпу, которая выбирает, кого хочет, а получает то, что промеж себя выберут олигархи.

– Но у нас нет олигархов!

– Придет демократия, появятся и олигархи. В конце концов, коррупция, кумовство и, главное, алчность, приведут к росту некомпетентности правителей, и вырождению власти.

Никак не ожидал встретить на глухом полустанке такого умнейшего эрудированного человека. «Ведь может собственных Платонов и быстрых разумов Невтонов Российская земля рождать» вспомнилось мне знаменитая фраза из оды Ломоносова.

– И где вы получили такие обширные знания?

– Занимался самообразованием, наконец-то появилось время. В городском читальном зале иногда до поздна засиживался, как студент перед экзаменами. Библиотекарша молоденькая девушка удивлялась и спрашивала: «Дедушка, вы что, где-нибудь учитесь? Читаете, и все время конспекты пишете, у нас даже студенты так не занимаются». Я ей ответил, что раньше учиться было некогда, а сейчас на пенсии, и понял, какое это огромное счастье познавать мир. Шесть общих тетрадей конспектов исписал.

– И какие науки постигли?

– Физику, химию, астрономию, биологию, и даже общую геологию перечитал.

– Что понравилось больше всего?

– Философия, это мировоззрение, которое позволяет не только понять, как устроен мир, но и как сделать его лучше. Из древнегреческих мыслителей мне очень нравится Платон. Его философия простиралась на все сферы мироздания: устройство Вселенной, государство, мышление, отношения между людьми, психологию, искусство и религию. Вы знаете, что Платон занимался гимнастикой и был победителем в Олимпийских и Немейских играх. Затем попал в рабство, узнал гнев тиранов, тяжело пережил казнь своего учителя Сократа. А самым известным выражением из сочинений Платона считается «платоническая любовь». В диалоге «Пир» он описывает любовь, как великую космическую силу, идеальное, сугубо духовное чувство, которое поднимает личность до познания мира идей и любви Высших сил.

Платон мечтал построить справедливое государство, и считал, что правители вместо наращивания военной мощи должны заниматься реализацией потребностей людей, способствовать их стремлениям к счастливой, свободной жизни. Высшая цель государства — добро и общественное благо, ибо оно существует для достижения счастья человека, а человек живет для процветания государства. У государства должны быть

нравственные цели поддержания справедливого порядка, иное государство обречено на вырождение.

– К сожалению, это красивый идеализм – вера человека в реальность идеалов и высоконравственный образ жизни.

– Во всяком случае, платоновский идеализм лучше мировой диктатуры демократии.

– Не всякая философская концепция имеет целью творить добро. Гитлера, например, вдохновлял на преступления образ сверхчеловека в философии Ницше, основанный на победе субъекта над человеческими добродетелями, нигилизме и стремлении к власти, через преодоление границ добра и зла.

– Неужели ты читал философию Ницше: «Так говорил Заратустра»?

– Отдельные цитаты, но и этого достаточно. Бернард Шоу говорил: «для того чтобы понять, что яйцо тухлое, вовсе не обязательно съесть его целиком».

– Я смотрю, ты равнодушен к философии.

– Более того, я даже сочинил философский трактат о структуре и развитии бесконечной материальной Вселенной.

– Ого! Дашь почитать?

– Может быть, когда закончу, и оформлю трактат в виде брошюры.

– Ладно, буду ждать, а то свои книги по философии я прочитал, и теперь осваиваю читальный зал районной библиотеки. Прошлой осенью так зачитался, что опоздал на последнюю дрезину, вернулся домой пешком уже ночью, и почувствовал, что Анюта даже немного приревновала, и незаметно меня понюхала, нет ли запаха спиртного или женских духов. Я это заметил, и спрашиваю: «Ну, и чем от меня пахнет?» Она засмеялась, и ответила: «Библиотекой». «Откуда ты можешь знать, как пахнет библиотека, если там никогда не была». Она опять засмеялась: «Теперь знаю!». Я говорю: «Ну, какая женщина может позариться на такое страшилище, как я?» Она ответила: «Я же позарилась, и не жалею».

– У вас очень красивая жена, на лице ни одной морщинки, если она покрасит волосы, то будет выглядеть на сорок лет.

– Седой она стала рано, говорит, что мама в Германии в сорок лет тоже была совершенно седая, но красить волосы отказывается. Наша Ирина до замужества работала парикмахером и визажистом, скучает по специальности, и теперь на Аняте душу отводит. Один раз вернулась моя женушка из гостей в шляпке, и вся в макияже, я даже ее сразу не признал, и спросил: «Девушка, а вам кого?» Анята моя и сейчас как девочка, вот так и пронес я любимую в ладонях через всю жизнь, как Цветочек аленький.

***

После завтрака Алексей разложил на столах образцы и рассматривал их в увеличительное стекло.

– Какое увеличение у твоей лупы?

– Десятикратное. А у вас, это что за трубочка.

– Это цейсовский полевой микроскоп, с увеличением от 16 до 32.

– Ого, я и не знал, что есть такие микроскопы, а как наводить на резкость?

– Надо вращать в крайние положения рифленую металлическую трубочку посередине.

– Дайте посмотреть, – Алексей стал рассматривать в микроскоп минералы гранита, – зерно кварца, как горная порода – разнообразные включения, пузырьки, полоски, трещинки.

– Это как живой организм, вроде состоит из органов, те из клеток, а клетки сами целый мир, и в них еще хромосомы, состоящие из миллиардов уникальных генных цепочек – сложные как галактика.

– Учитель, это не скромно, но не могу удержаться, подарите мне этот микроскоп, я расплачусь научными открытиями.

– Пока не могу, сам взял напрокат, но если его, как обещали, подарят мне, считай, он твой. Давай, собирайся в

город, через двадцать минут пойдет дрезина, и купи на рынке каких-нибудь фруктов.

В маршрут я отправился один, Алексей поехал на комбинат Магнезит, чтобы забрать готовые ящики из столярного цеха. Мы рассчитали, что он в два приема дотащит их до железнодорожного вокзала, и привезет на станцию трехчасовой дрезиной, а потом догонит меня на маршруте. Я показал ему линию своего хода на топографической карте.

Маршрут начинался в полукилометре к северо-востоку от нашей станции и проходил на вершину горы Маруниной по узкому водоразделу между рекой Саткой и ручьем Рачев лог. На геологической карте Заварицкого там была нарисована цепочка интересных обнажений – выходов габбро среди гранитов. Проще всего было бы сразу перейти Сатку около станции, и по азимуту выйти в начало маршрута. Но там можно угодить в болото, а по левому берегу шла дорога – тележная колея. Геологическая практика научила меня, что самый надежный и быстрый путь к цели проходит, как правило, по известной дороге. Через полкилометра речка делала зигзаг, круто поворачивая на Восток, и дорога подошла вплотную к галечному пляжу на берегу, здесь явно был брод. И вдруг я увидел, что на другом берегу среди ивовых кустов на шесте стоит треугольный указатель со знаком радиоактивности – черным трилистником на желтом фоне. Под ним на желтой табличке с черной каймой крупными печатными буквами было написано:

**ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА!
ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН!
ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!**

Вот это номер, какая здесь может быть радиоактивность, откуда? Разве что упал обломок ядерного реактора космической ракеты. Но, русский человек воспринимает табличку: «Не влезай! Убьет!» не как предупреждение об опасности, а как вызов! Я разулся, и перешел вброд неглубокую речку.

Карманный дозиметр показал, что около знака, даже у самой земли, гамма активность не превышала норму. И сам знак был каким-то странным: на треугольном жестяном дорожном знаке «Шлагбаум», поверх старого изображения был нарисован масляными красками черный трилистник на желтом фоне. Жестянка была навывлет прострелена несколькими пулями. Надо будет обязательно спросить Федора, что это такое.

Правый берег речки круто поднимался в гору. По откосу стекала вода, и влажный мох легко сползал, обнажая мокрую поверхность скал. Во многих местах на них встречались, параллельные склону, черные глянцевые поверхности – классические «зеркала скольжения» – полированные поверхности разрывов, образовавшиеся при взаимном смещении и трении блоков горных пород в зонах тектонических разломов. Сотни миллионов лет тому назад тектонические силы выдавили вверх с глубины в несколько километров блок древних горных пород. Возможно, это случилось, когда Западносибирская плита, бывшая в те времена дном океана, напозала на Восточно-европейскую плиту, и стали формироваться Уральские горы.

Обернувшись, я с удивлением увидел, что на левом берегу по дороге медленно бредет низкорослая лошадь. Она была запряжена в узкую телегу со скошенными внутрь бортами, как у гроба, и на передке, как-то боком, сидел Федор. Я перешел вброд речку, чтобы поздороваться с ним и, если повезет, послушать очередную историю.

– Здравия желаю, – по военному приветствовал я ветерана.

В ответ старик приложил два пальца к козырьку железнодорожной фуражки.

– Куда путь держите?

– За сеном приехали, – Федор стал распрягать коня, – но сначала отпущу его пастись, а сам залягу в телегу спать.

Лошадь действительно напоминала Конька-горбунка – низкорослая, но мускулистая, с густой гривой и пышным хвостом до самой земли.

– Что это за порода.

– Как сказал бы Дерсу Узала: «Лошади такой очень хороший люди». Это древняя монгольская порода. Она сложилась из нескольких видов, в том числе из знаменитых лошадей Пржевальского.

– Думаю, что сказочный Конек-горбунок тоже принадлежал к монгольской породе лошадей.

Освобожденный от упряжи конь отправился щипать сочную луговую траву.

– Хорошая порода, сильная, выносливая, выдерживает морозы до минус сорока градусов, сильные ветры и метели. Лошади хорошо накапливают жир, и выдерживают несколько дней без воды, конь может пройти до ста километров вместе с всадником, а без него все двести, и, при этом, у монгольских лошадей добрый и кроткий нрав.

– Какой у него длинный и пышный хвост.

– Волосы из лошадиного хвоста монголы применяли для связывания основной конструкции юрты, и еще использовали как струны для музыкального инструмента моринхура.

Конь, видимо, понял, что разговаривают о нем, и посмотрел в нашу сторону.

– Все понимает, – с любовью в голосе произнес Федор, – назвал его в память о моём боевом друге – батарейном коне Пашке. Он был из партии братской помощи Монголии нашей стране. Когда погиб возничий, я стал еще и за конями ухаживать, но боезапас все равно остался на мне, в бою подношу снаряды, а потом бегом к лошадям орудие перевозить на новую позицию. В бою Пашку смертельно ранило осколком снаряда. Тяжело умирал, и смотрел на меня, будто спрашивал: «Люди, за что вы меня, и друг друга убиваете?» Много смертей и страданий за войну видел, но этот конский взгляд забыть не могу.

Федор замолчал. Я подумал, что на этом воспоминания закончились, и собрался идти работать. Но вдруг почувствовал, что старик все еще настроен, поговорить, и остался послушать его удивительно интересные рассказы.

– Давно мечтал своего коня завести. Хотел из жеребчика вырастить доброго скакуна, как в детстве, и чтобы конь меня пережил, а не я его. В совхозе на конюшне случайно увидел монгола, и вдруг понял это Пашка! Не поверишь, и он меня признал, и даже заржал, вот и уверуешь в переселение душ. Оказалось, что его уже отбраковали, а это значит, незавидная судьба впереди. Выкупил коня, и пошли домой пешком, по дороге я рассказал ему про нашу батарею и второго коня Мишку, которого тоже убило осколками. Он смотрел на меня, и внимательно слушал, как будто все понимал. Год выхаживал, суставные боли и повреждения копыт – основные болезни этой породы. Он быстро привык к новому имени, мы с ним теперь неразлучные друзья, которые друг без друга жить не могут, и только смерть разлучит нас. Подолгу с ним разговариваю, всю жизнь свою рассказал, он теперь все про меня знает.

– Сколько ему лет?

– Старый уже, по-людски все восемьдесят. Сыновья и внуки зовут к ним переехать и перевезти коня железной дорогой в Хабаровск, там его можно будет за плату содержать в совхозной конюшне за городом, а раз в неделю навещать. Но это значит предать друга, в стойле он без меня быстро умрет. А тут природа, простор, когда погода ясная хожу с ним в ночное, для меня это память детства, распрягаю коня, и отпускаю на выпас. Луговина наша только с виду неказистая, но в ней заключен целый мир. Ложусь в телеге на сено, укроюсь тулупом и смотрю в бездонное ночное небо с россыпью мигающих звезд, только метеоры иногда чиркают. Хорошие сны приходят, добрые, просыпаюсь еще затемно, счастливый, как в детстве, будто вся жизнь еще впереди. От реки тиной пахнет, выдры в воде кувыркаются, ловят рыбу, с рассветом коростели начинают кричать, утки крякать, и наползает розовый туман, сердце щемит от такой красоты. Насухо вытираю от росы мокрую конскую спину, и легонько массирую, ох, как он это любит. Запрягаю в телегу и не спеша, довольные возвращаемся домой.

Прямо над нашими головами пролетела стайка уток. Птицы с шумом сели на воду реки. Одна утка стала громко кричать, выражая свое недовольство нашим присутствием.

Старик принес охапку сена из копны и стал обустраивать лежанку в телеге. Я тоже собрался идти работать.

– Покос на этой луговине традиционно считался за жителями станции, но сейчас у нас проблемы с сеном. У меня подагра, кошу держать не могу, у Виктора руки разболелись, а надо заготовить сена для коровы и лошади на всю зиму. Придется покупать или где-то достать табак на обмен.

– Мои родители пришлют из Ленинграда сорок пачек сигарет на адрес станции, и вы сможете расплатиться за сено на зиму.

– Интересно, а что самое главное в профессии геологов?

– Продавец спрашивает молодую женщину: «Зачем вам так много материи на одну ночную рубашку?» Женщина отвечает: «У меня муж геолог – и для него главное – поиск!»

– Очень доходчиво объяснил. – Засмеялся Федор.

– Кстати, откуда появился знак радиоактивности в кустах на том берегу?

– Испугался, а сам не догадываешься, что это такое? – Усмехнулся Федор.

– У нас в школе были очень популярны загадки «неугадайки», типа: «На стене висит, зелёное, и пищит». Знаете, что это такое?

– Нет, – опешил Федор.

– Селедка.

– А почему висит на стене?

– Потому, что повесил, зелёная, потому, что покрасил, а пищит – просто так сказал, чтобы не догадались.

– Ерунда какая-то, – не понял юмора Федор.

– Знак радиоактивности на берегу зачем?

– Помнишь, я рассказывал, как прикормил косуль в Рачевом логе? Он здесь рядом за горкой. Так в последнее время расплодились браконьеры – охотники до бесплатного мяса. В

прошлом году под Новый год слышу – палят, четыре выстрела. Встал на лыжи, и побежал к стожку, вокруг косулями натоптано и несколько капель крови на снегу. Кто-то стрелял по ним издали, но никого не убил, а только ранил, стадо ушло вверх по распадку.

– Дед Кокованя из сказки «Серебряное копытце» тоже стрелял козлов зимой, что, и нынче, на косуль можно охотиться?

– Охотничий сезон открывают с первого сентября до десятого января. Но получилось, что я прикормил и подставил косуль под пули охотников. Нашел место, откуда по ним стреляли, определил, что охотились с подхода, и стрелки зашли с Востока по ручью.

– Они нарушили закон?

– Правила и сроки охоты не нарушили, но при мясном дефиците могут перестрелять всех животных на Урале. В Сатке на рынке до сих пор продается вяленое мясо косуль по баснословной цене. Сейчас по всей стране браконьерский беспредел. Раньше егеря хоть немного природу охраняли, а нынче увольняться стали, зарплату им не платят. Сын пишет, что на Дальнем Востоке и в Приморье браконьеры совсем озверели, убивают животных без счета. Лапы медведей, мускус кабарги, части тел амурского тигра контрабандой отправляют в Китай, а икру красных рыб во время нереста по ночам добывают тоннами. На Амуре рыбнадзор отбил у браконьеров четырехметровую Калугу, и живую отпустил в реку. Представляешь, сколько в ней было икры, она способна зарыбить весь Амур.

– Ну, а радиоактивность здесь при чем?

– После нападения на косуль, я сразу стожок разметал, соль убрал и соорудил чучело – к поперечине привязал две свисающие еловые лапы, так, чтобы они шевелились от ветра. Через пару дней обнаружил, что по чучелу стреляли. Тогда и придумал обман с радиоактивностью, изготовил три знака и установил: один в верховьях Рачева лога, второй на ручье, около

места, с которого стреляли, а третий на правом берегу Сатки около брода.

– В этот знак тоже стреляли из карабина.

– Нет, это картечью пальнули, и дальше знака охотники не проходили, испугались радиоактивности. Сегодня утром внучки звонили, обещали приехать на зимние каникулы, чтобы снова повидать Серебряное копытце, увидеть Мартина, и еще просят оставить Серую Шейку на зиму в курятнике, дать ей шанс поправиться к весне. Но, подозреваю, что косулю с рожками по пять веточек уже убили. Я сказал им, что козлик ушел за Урал, и оставил своего сына с тремя веточками на рогах. Так, что начал готовить новое чудо, к ноябрю кормушку и солонец поставлю глубже в распадок, чтобы не было видно с железной дороги и с Востока, чучело уберу. Куплю самоцветы и две малахитовые броши. Конечно, это не так грандиозно, как две тысячи метров красного шелка для алых парусов Секрета капитана Грея.

– Какие же счастливые ваши внучки – на Новый год вернуться в сказку.

Я понял, что тоже могу принять участие в зимней сказке, если к Новому году пришлю двойняшкам две плитки горького шоколада.

– Не всем моим внукам так везет. Сегодня годовщина, как старший внук из Афганистана вернулся, – Федор помолчал, и со вздохом добавил, – в «черном тюльпане», «грузом двести», их вертолет сбил американский стингер. Так американская демократия убила моего внука. Анюта сегодня поехала в Сатку в молельном доме свечку «за упокой» поставить перед иконой Богородицы.

– Почему же в молельный дом, в Сатке мы видели красивую церковь.

– Это храм Святителя Николая Чудотворца. Он сейчас не действует, внутри краеведческий музей, православная община хлопчет о восстановлении храма, обещали в следующем году вернуть здание православной церкви, в грядущее лихолетье народ потянулся к Богу. Не знаю, удастся ли Анюте сегодня

талоны на спиртное отоварить, или купить у спекулянтов самогонки, даже помянуть внука нечем.

– Так, ваша соседка Мария самогонку гонит, она нам предлагала поменять на табак.

– Мы в контрах, нам она ни за что не продаст.

– Почему?

– Несчастливая она женщина, рано осталась сиротой, еще девчонкой стала трудиться на железной дороге путевым рабочим. Тяжелая это профессия, совсем не женская – рельсы таскать и костыли забивать. Замуж так и не вышла, детей не родила, в гражданском браке прожила десять лет с пьяницей, он ее бил, унижал, и, в конце концов, выгнал из дома. За всю жизнь слова доброго не слышала, терпела, и озлобилась. Поселилась у нас на станции в пустующей квартире, а работает в бригаде путевых рабочих, которые обслуживают околоток от Сатки до Бакала. Знаешь, что такое околоток?

– В царской России так называлось подразделение полицейского городского участка, а на железной дороге так до сих пор называют участок дистанции пути.

– Теперь Марии почти каждое утро в любую погоду надо добираться в Сатку, а вечером после работы назад, топать, иногда на попутной дрезине подбросят. И уже полгода никак не могут перевести ее на наш околоток от Сатки до Бердяуша, вот она и озлобилась на весь мир. Только кошка Верка скрашивает ее одиночество, а нас с Анютой она почему-то сразу не возлюбила. Виктор сказал, что за глаза она называет нас «Старосветскими помещиками», только я не вижу в таком сравнении ничего обидного. Моя Анюта добрая, к ней со всей душой, а она стала изливать на неё свою накопившуюся злобу, и моя девочка, всегда такая веселая и ласковая, вдруг иногда стала хмуриться, но причину не открывала, и это меня насторожило.

Весной у Виктора заболела бабушка, началась деменция – болезнь такая старческая, стала все забывать, никого не узнавать и даже разговаривать перестала. Я испугался за Анюту, и, на всякий случай, организовал внеочередное медицинское

обследование в районной больнице. Невролог признаков болезни не обнаружил, и направил к другим специалистам. Слава Богу, врачи ничего не нашли, но посоветовали жить спокойно и напрасно не волноваться. И тут я понял, что это наша соседка изливает на Анюту свой негатив. Предупредил ее, но, видимо, недостаточно тактично выразился, сразу разозлилась, и теперь с нами не разговаривает, даже молоко у нас даром не берет, покупает в городе. И кошка ее наше молоко игнорирует. Как-то не по-людски это. Анюта и так и сяк старается наладить отношения, но пока не получается. Иначе совсем женщина сопьется. Для кого, ты думаешь, она самогонку гонит, для себя, говорит: «смотришь на этот бардак, и понимаешь, надо выпить!»

– Вы еще работаете на станции, или полностью вышли на пенсию?

– Виктор дает нам легкую работу, я иногда подменяю обходчика, Анюта убирает служебное помещение, платформу подметает, за цветами в палисадниках ухаживает. Дети и внуки наперебой зовут к себе жить в Ленинград, Владивосток, Хабаровск.

– Почему не едите?

– А хозяйство, корова, куры, лошадь? Ну, корову мы давно собирались продать, толку нет от молока, если я его пить не могу, но после того, как у Виктора родилась дочь, у нас словно родная внучка появилась. Девочке нужно молоко и корова стала вроде как общая, Виктор заготавливает сено на всю зиму, Ирина помогает ее доить. Из молока готовим творог, сметану, масло сбиваем, и даже сыр научились делать, остатки молока утренней дрезиной отправляем в город матери Виктора, его сестре и племянницам. Ладно, заговорил я тебя, извини, от работы отвлекаю.

– Что вы, мне очень интересно вас слушать.

– Сейчас постелю в телегу сена, лягу, и буду смотреть на небо, пока не усну. Небо всегда разное: весной жаворонки поют, или чибисы кричат, а над ними кругами парят ястребы и даже

орлы; летом в хорошую погоду распахивается бездонная синева, или кучевые облака громоздятся как белоснежные горы; в грозу бурлящие черные тучи грохочут и озаряются вспышками молний; осенью стаи перелетных журавлей и гусей кричат. Небо самое лучшее для меня снотворное, дома в постели никак не уснуть, ворочаюсь до середины ночи, сны приходят какие-то тревожные и непонятные, утром лежу разбитый, все болит, и о смерти размышлять начинаю. Не хотелось бы в последние часы жизни корчиться от боли в больничной палате, уж лучше умереть здесь, просто глядя в небо. Посмотри, какие сегодня удивительно красивые перистые облака, растащенные ветром, как от взрыва, немного тревожно, правда?

– Это к перемене погоды, или к несчастью.

***

Маршрут был самым удачным и плодотворным в моей геологической практике. Мне стала понятна последовательность процессов, которые происходили в земных недрах, и привели к образованию гранитов рапакиви.

На вертикальной поверхности скалы зачищенной от влажного мха обнажались классические граниты рапакиви, в которых присутствовали ксенолиты – захваченные гранитной магмой крупные блоки габбро. В краях блоков в габбро выросли кристаллы кварца и калиевого полевого шпата, по морфологии такие же, как и в гранитах рапакиви. Получившиеся гибридные породы, очевидно, были продуктами гранитизации – совокупности процессов, приводящих к превращению твердой породы в гранит, путем привноса и выноса химических элементов. На первый взгляд эти гибридные породы образовались в результате воздействия магмы рапакиви на ксенолиты габбро. И тут меня осенило, все было наоборот! Это магма рапакиви появилась в результате частичного плавления гибридных пород! Наконец-то сложились пазлы головоломки, и мне стал понятен механизм образования гранитов рапакиви. Я живо представил себе как одна тысяча триста пятьдесят миллионов лет тому назад, из глубин мантии вдоль

расширяющихся разломов в земную кору внедрились базальтовые магмы. Застыв на глубине, они сформировали массивы габбро, которые вскоре подверглись интенсивному дроблению в зонах тектонических разломов. Затем, восходящие мантийные растворы, обогащенные кремнием, калием и редкоземельными элементами приводили к гранитизации габбро на краях раздробленных блоков, а также способствовали частичному расплавлению образовавшихся гибридных пород. Тяжелые блоки габбро тонули в получившемся расплаве, а кристаллы кварца и калиевого полевого шпата поднимались наверх под действием восходящих газов и сквозьмагматических растворов. Так формировалась магматическая камера, с гранитным расплавом, который устремлялся вверх, и захватывал отдельные блоки гранитизированных габбро. Но если что-то привносилось снизу, то что-то должно было уходить наверх. И восходящие гидротермальные растворы выносили из зоны формирования гранитов рапакиви атомы магния и других элементов, которые пропитывали толщи известняков и образовали залежи магнезита Саткинского месторождения.

От такого озарения даже захотелось кричать. На последней странице полевого дневника были вшиты несколько листов миллиметровки, на которых я нарисовал карандашом, а потом обвел фломастерами схему формирования Бердяушского массива гранитов рапакиви.

***

День клонился к закату. Набралось несколько десятков тяжелых образцов. Маршрутный рюкзак такой вес не выдержит, надо было дожидаться Алексея, чтобы отнести их домой в двух рюкзаках. Но, если коллектор не вернулся трехчасовым поездом, то теперь мог приехать только вечером. Было бы неплохо подвезти груз на телеге. Я взглянул вниз на поляну, конь мирно пасся на лужайке, а Федор все еще спал в телеге, укрывшись марлевым пологом. Надо было спешить, Федор мог уехать домой, не дождавшись меня. Но телега все еще стояла на месте,

рядом, как-то неестественно опустив голову, стоял конь, видимо уже захотел домой в стойло, но хозяина не будил.

В спешном порядке я спустился с горы. Два раза вброд перешел мелкую речку перетаскивая, груз образцов на другой берег. Конь все также стоял у телеги.

– Федор Иванович, вы домой собираетесь? – громко спросил я, подходя к телеге.

Старик не ответил. Я поднял марлевый полог. Федор, видимо, крепко спал, но глаза его, почему-то, были приоткрыты и неподвижно смотрели в темно-синее вечернее небо.

Я осторожно потряс спящего за ногу.

– Федор Иванович, домой едем?

Ответа не последовало. Мне показалась странной неподвижность старика, не умер же он, в конце концов. Я снова потряс его за плечо. Может, просто, сознание потерял? Пульс не прощупывался, а рука была удивительно холодной.

Умер, вдруг мелькнуло в голове. Откуда-то из груди поднялся ком, и перехватило дыхание. Вот так внезапно умер, глядя в небо, как заказывал. Еще ни разу мне не довелось присутствовать непосредственно при смерти человека. А вдруг это инфаркт или обморок, что в таких случаях надо делать? Я попытался вспомнить инструкцию по оказанию первой помощи пострадавшим: искусственное дыхание и массаж сердца? Но он говорил, что ему предлагали делать операцию на коронарных артериях, значит, в этом случае массаж сердца делать опасно. Я еще раз поднес ладонь к полуоткрытому рту, но теплоты дыхания не почувствовал, и кожа на лице приобрела мертвенный землистый оттенок.

Вдруг мелкие рыжие мураши, беспорядочно сновавшие по земле и по телеге, стали ползать по лицу старика, и залезать в его приоткрытый рот. Снова потрогал холодные руки, и лоб сомнений не было, старик умер. В кинофильмах я видел, как покойникам закрывают глаза, но, быть может, это положено делать родственникам? Запрячь коня, чтобы доехать до станции на телеге, я не мог, надо было немедленно бежать и сообщить

Виктору о смерти, пусть звонит в город в больницу, вроде как должен приехать врач и установить факт смерти.

По дороге я вспомнил желание старика умереть тихо, глядя в бездонное небо, вот и напророчил себе кончину. Вдруг с грустью подумалось, что когда-то грядет и мой час. Пожалуй, и я хотел бы умереть вот так, глядя в глубокое небо, но, только в маршруте и с молотком в руке!

***

Виктор сидел в кабинете начальника станции. От сообщения о смерти Федора он опешил.

– Федор был для меня и Ирины, как родной отец.

Он позвонил в городскую больницу. Оказалась, что буквально рядом, на окраине города, в нескольких километрах от станции освободилась дежурная машина скорой помощи, и врач сможет подъехать через несколько минут.

– Пойдем, – Виктор встал из-за стола, – надо сообщить печальную весть жене Федора. И коня в телегу нам без нее не запрячь.

Анюта никак не могла сообразить, что говорит начальник, и, когда поняла, так отчаянно вскрикнула, что от ближайших скал отразилось эхо. Успокоить ее смогли только к приезду скорой.

– Уазик туда не пройдет, – предупредил шофера Виктор, – застрянет в болотистой почве луговины, придется идти пешком.

Уже смеркалось, от реки на луговину напал туман. По обочине тележной колеи мы подошли к повороту реки. Вдруг, из-за прибрежных кустов прямо перед нами из тумана возникли лошадь и телега. На предке сидел живой старик, а за его спиной виднелась копна сена.

От неожиданности все остановились, и только Анюта вдруг побежала вперед, забралась на телегу и сложила голову на колени старика. Громко всхлипывая, она запричитала:

– Федя, Федя, Федечка! Живой!

– Что случилось, что ты бубнишь, перестань реветь и расскажи током.

Анюта вдруг стала целовать руки старика.

– Что с тобой, с ума сошла, – отмахнулся старик, – да что случилось, в конце концов, умер кто?

– Все, понятно, ложный вызов, – объявил врач скорой.

Мы подошли к телеге. Старик с Анютой уже выяснили, что никто не умер. Жена сидела рядом с мужем, прижавшись к его плечу, и все еще всхлипывала.

– Как вы себя чувствуете, – спросил врач. Он нащупал пульс на шее Федора, и посветил фонариком в глаза, – езжайте потихоньку домой, я подойду, измерю давление и сниму электрокардиограмму.

– Лучше, ошибочный вызов, чем подлинный, правда? – заметил Виктор с облегчением.

Врач и Виктор пошли назад пешком.

Мне хотелось провалиться сквозь землю, но, сначала, следовало извиниться.

– Я же тебя предупреждал, что сплю как убитый, – упредил меня Федор, – просыпаюсь, вижу твой рюкзак, и камни на земле лежат, забрал их они там сзади на телеге под сеном. Иди вперед, разгрузись и подвезу камни к вашему крыльцу.

На станции я заскочил в нашу квартиру, Алексей еще не вернулся. Стало как-то тревожно, быть может, вечерний поезд отменили? Сообразит спрятать где-нибудь ящики и дойти пешком. Взял три пачки сигарет для врача, водителя и Виктора в качестве моральной компенсации.

В ярко освещенном кабинете начальника станции доктор и водитель пили чай из армейских зеленых кружек.

– Приношу свои извинения за досадное недоразумение, – повинулся я перед всеми присутствующими, – но у Федора совершенно не прощупывался пульс, и я подумал, что он умер.

– Надо было не пульс щупать, а положить руку на диафрагму, если человек живой и дышит, сразу почувствуешь.

Я раздал сигареты, каждому по пачке.

– Вот это подарок, – воскликнул врач, – БТ моя любимая марка, а я недавно бросил курить, не смог перейти на другие

сигареты, от крепких табаков и махорки у меня горло перехватывало.

– Что же, теперь снова начнете курить? – Усмехнулся шофер.

– Любимая прибаутка санитаров из отделения реанимации: «Нет уж, бабушка, умерла, так умерла!» Бросил курить, значит, бросил, жене слово дал. Угощу сигаретами коллег и друзей, вот будет радость у людей, а я стану гордиться своей силой воли.

– Мой тесть тоже обрадуется, он сменяет сигареты на махорку, – Виктор выключил закипевший электрический чайник. – Анатолий, садись, выпей с нами чаю, с башкирским медом.

Врач поднялся со стула и обратился к шоферу:

– Сергей, кончай пить чай, неси прибор, пойдем, снимем деду электрокардиограмму.

Неожиданно громко сработал зуммер телефона.

– Из Сатки к станции идет дрезина, везет вашего студента, – сообщил Виктор, – идите, встречайте.

До платформы, где останавливались поезда, было метров сто. Алексей уже выгрузил шесть больших посылочных ящиков. Дрезина умчалась назад.

– Вечерний поезд до Бердяуша отменили, дрезина сломалась. Полпачки Беломорканала пришлось отдать, сразу починили, и отвезли меня одного. – Алексей заметил под фонарем медицинский Узик. – Это к Федору скорая помощь приехала?

– Не знаю, – неожиданно для себя соврал я. Не хотелось говорить студенту, что попал впросак, начнет на факультете всем рассказывать.

У калитки в наш палисадник лежал мой рюкзак и образцы в мешках, их привез и выгрузил Федор. Мы затащили камни на веранду. Обычно я сразу разбираю и маркирую каменный материал, и обязательно заполняю каталог образцов и проб, но в этот раз решил все оставить до утра.

На ужин собрались приготовить традиционные макароны с томатным соусом и тушенкой. Алексей разжег примус.

– Послушай, сходи к Варваре, купи бутылку самогонки, вот, десять рублей, думаю, хватит. Ну, в случае чего, поторгуйся, ты умеешь.

– Самогонка нам, на ужин? – обрадовался Алексей.

– Нет, это для Федора, у него сегодня годовщина возвращения внука, погибшего в Афганистане, а помянуть нечем. Только Марии об этом не говори, они в контрах, берешь как бы для нас, понял?

Алексей вернулся с бутылкой самогонки, когда я уже съел свою порцию макарон. Судя по довольной ухмылке, он явно хлебнул горилки.

– Мария помнит о годовщине внука Федора, деньги за самогонку не взяла, и угостила меня рябиновой настойкой, подозреваю, что хотела оставить меня на ночь.

– Что же не остался?

– Она же вдвое старше меня.

– Не суди ее строго. Каждая женщина имеет право хотеть, и быть хотимой.

Я быстро сложил в полевую сумку нехитрые гостинцы: плитку шоколада для Анюты, пачку цейлонского чая для Федора, и самогонку на поминки.

– Уже совсем темно, возьмите мой фонарик, – Алексей протянул мощный фонарик на три батарейки.

– Спасибо, у меня есть маленький.

Я достал из рюкзака коробку с миниатюрными китайскими фонариками под две пальчиковые батарейки.

– Ой, какие хорошенькие, откуда они у вас, я такие никогда не видел, зачем вам так много?

– Для всех мужчин нашей кафедры и друзей я привез из Китая сорок фонариков в подарок, вот, четыре осталось.

– Учитель, один вы должны подарить мне.

– Конечно, выбирай.

– Возьму этот, с защелкой для ношения в кармане. А светит как ярко, только луч света непривычно узкий.

– Кстати, отдай мне малахитовую брошь, хочу подарить жене Федора, а ты своей супруге купишь другую, я возьму затраты.

Алексей раскрыл коробочку, в которой лежали несколько брошей, нефритовые кольца и фигурка белочки из переливчатого селенита.

– Зачем тебе столько?

– Это жене, это теще, а эта белочка для Оленьки.

– Кто такая Оленька, сестренка?

– Это моя любимая девушка.

– Хочешь сказать любовница?

– Нет, именно любимая девушка.

– А жена?

– Свою жену я очень люблю, но лояльно отношусь к полигамии и мусульманским традициям в плане многобрачия. Помните, как говорила Гюльчатай: Одна жена любит..., одна готовит..., одна детей воспитывает..., она квартиру убирает..., ведь здорово, правда?

– Только надо быть султаном, чтобы всех достойно содержать, а представь себе, если они вместе начнут тебя ругать, мало не покажется.

– Да, вы правы, по нынешним временам и одной жене денег всегда не хватает, ей приходится работать, но мечтать можно?

– Мечтать можно, вредно надеяться.

Я выбрал малахитовую брошь.

– Учитель, вы наверняка задержитесь в гостях, оставьте мне ваш полевой дневник, я посмотрю, что интересного вы нашли, и, заодно, каталог заполню. А может, все-таки, возьмем бутылочку рябиновой настойки на ужин, деньги-то остались, я вас подожду, картошечки пожарю, консервы рыбные откроем, а?

– Ты уже выпил на халяву, а добавишь, потянет на подвиги. Если хочешь стать великим ученым, с алкоголем следует быть осторожнее.

– Талант не пропьешь!

– В древнегреческой системе мер «талант» был наивысшей единицей веса. В Новом Завете есть «Притча о талантах», в ней говорится о трёх рабах, получивших от хозяина таланты серебра на хранение. Два раба употребили их в дело и приумножили, а третий закопал свой талант в землю без всякой пользы, так появилось выражение «зарыть талант в землю».

– Я свой талант зарывать в землю не собираюсь.

– Но, учти, история показывает, что именно талант пропивается легче и быстрее всего.

***

Веранда квартиры Федора была ярко освещена, рой мошкеры бился о разноцветные стекла. Я робко постучал в окно.

– Заходи, – громко пригласил Федор.

На веранде за столом врач что-то писал. На лавке скромно сидели Виктор с Ириной и Анюта.

– Извините за поздний визит, – громко произнес я.

– Вот, Федор Иванович, оставляю вам направление к кардиологу, в больнице запишитесь на прием, и берегите себя, не напрягайтесь, желаю вам здоровья.

– Спасибо доктор, – Федор проводил врача и шофера до двери.

– Какой диагноз установил врач? – поинтересовался я.

– Медицина бессильна, буду жить, – пошутил Федор, – мы собрались ужинать, а где твой студент?

– Работает.

– Так поздно?

– У нас ненормированный рабочий день, и я на минутку зашел, хочу извиниться за сегодняшнее недоразумение, простите, что заставил вас волноваться.

– Ничего, нам умирать не впервой.

– Федор Иванович, нам пора, – заторопились молодые, – Аня может проснуться. – Я с утра подою корову, – добавила Ирина.

Ребята ушли, Федор пригласил меня в комнату. На буфете стояла фотография в рамке с траурной лентой в углу. Перед ней горела восковая свеча, ее свет отражался от стекла, за которым улыбался бравый лейтенант в голубом берете десантника.

– Принес вам гостинцы, – я достал из полевой сумки шоколадку, пачку чая, и бутылку самогонки, – это внука помянуть.

Федор поставил перед фотографией граненый стакан, налил в него самогонку, и накрыл куском черного хлеба. Затем наполнил две хрустальные стопки.

– Виктор не пьет, Анята тоже, давай помянем с тобой нашего Андрюшу, светлая ему память, погиб, как настоящий воин, защищая Родину.

Молча выпили, хозяин насупился, и спрашивать об обстоятельствах гибели внука явно не следовало.

В углу комнаты висела икона Божьей матери, та самая, простреленная фашистскими пулями, перед ней в лампадке тускло мерцал огонек. На комодe стоял большой фотопортрет, на котором две русоволосые девочки в сарафанах и кокошниках, взявшись за руки, стояли на фоне театрального занавеса с изображением березовой рощи. Оригинальный багет был изготовлен из продольных спилов не ошкуренной молодой березки. Создавалось впечатление, что березки багета и занавеса сливаются в единый фон.

– Это наши внуки на концерте, – пояснил Федор, – первое место на конкурсе заняли, исполняли «Степь широкая». Много раз слышал эту песню, но в исполнении внучек – мороз по коже. Хочешь послушать?

Федор включил большой катушечный магнитофон. Голоса у девочек были звонкие, распевные и, на удивление, сильные. Мелодия разливалась широко и привольно, как бескрайняя степь.

Вошла Анюта, осторожно поставила на стол тарелки с угощениями и присела на краешек стула. Вместе с нами она прослушала песню до конца. Я зааплодировал, как на настоящем концерте.

– Еще раз извините, что расстроил вас, – обратился я к Анюте, которая накрывала стол.

– Забыли уже. Поужинайте с нами, чем Бог послал: это бузы – традиционное бурятское и монгольское блюдо, а это наши белорусские драники со сметаной.

– А кем вы себя считаете, русскими, белорусами или бурятами?

– Теперь мы чувствуем себя еще немного татарами и башкирами, – засмеялась Анюта, – а вообще, мы просто советские люди.

– Ты должен обязательно попробовать наши соленые уральские рыжики – вкуснейшие грибы на Земле.

Я был ценителем грибов, и считал белый гриб самым вкусным. В лесах Южной Карелии, по которым мне довелось бродить немалую часть своей геологической жизни, белых грибов росло великое множество. Их сушили, солили, замораживали и зимой готовили вкуснейший грибной суп. Но пластинчатые грибы я не признавал, не собирал даже настоящие грузди. И если солил, то исключительно молоденькие белые грибы целиком. Рыжики толком пробовать не доводилось, встречались они в карельских лесах редко, и, как правило, были червивыми. Подцепив красивый оранжевый рыжик на вилку, я пошутил:

– Знатоки утверждают, что все грибы съедобные, но некоторые только один раз.

– Не бойся, не отравишься, у рыжиков нет ядовитых двойников.

Хозяева с интересом ожидали моей реакции. Вкус гриба оказался потрясающим, Федор был прав, действительно, уральские рыжики – вкуснейшие грибы, которые мне довелось попробовать.

– Божественно!

– А китайцы грибы едят?

– Сушеные пластинчатые грибы используют во многих блюдах китайской национальной кухни. В основном это грибы, растущие на деревьях, но, на мой взгляд, они почти безвкусные.

– Пельмени и бузы типичные сибирские блюда, – Анюта пододвинула мне тарелку с угощением.

– Скорее всего, рецепт пельменей пришел в Россию из Китая, там сотни рецептов пельменей, есть даже сладкие.

– Какие экзотические китайские блюда вам довелось попробовать?

– Ростки бамбука, плоды лотоса, суп из плавников акулы, лягушачьи лапки в кисло-сладком соусе и даже устрицы отведал.

– Как говорил Собакевич: «Ты мне лягушку хоть сахаром обсыпь, а я ее в рот не возьму, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа», – засмеялся Федор, – это правда, что китайцы едят все?

– Думаю, в будущем человечество пойдет по китайскому пути, и тоже будет есть все.

– Интересно, какое блюдо вам понравилось больше всего?

– Трепанги с жареным луком и свининой. В этом блюде прекрасно сочетаются мясо, морепродукты и овощи.

– Кто такие трепанги?

– Это беспозвоночные морские животные, они медленно ползают по дну и заглатывают морской ил, их еще называют морские огурцы, за то, что похожи на пупырчатые разновидности этих плодов.

– Они такие маленькие?

– Бывают и большие, до сорока сантиметров в длину.

– Их прямо так и едят сырыми?

– Нет, долго обрабатывают, сначала сушат, потом несколько раз вымачивают, потрошат, отваривают и только потом готовят.

– Какая морока.

– Но, зато, блюдо получается очень вкусным.

В конце ужина на стол поставили красивый старинный самовар. Заварной чайник на ажурной конфорке сверку источал аромат цейлонского чая. Хозяева пили по старинке из блюдец, вприкуску с колотым сахаром. Пока чаевничали, Федор опять включил магнитофон, и мы с удовольствием прослушали песню по степь еще раз.

После ужина Федор с гордостью показал комнату, в которой был его кабинет.

– Представляешь, начинали жить вдвоем в половине комнаты, а сейчас у меня свой кабинет.

Напротив входа, располагалось большое окно с видом на железную дорогу, перед ним большой письменный стол и настольная лампа с зеленым абажуром. В углу старый кожаный диван. На боковых стенах от пола до потолка самодельные остекленные стеллажи, заполненные книгами.

О таком кабинете можно только мечтать. С женой и сыном я жил в одной комнате в коммунальной квартире, и не имел даже своего письменного стола. А как было бы здорово поработать здесь сидя перед окном, смотреть на проходящие поезда, и сочинять геологические рассказы. Пока я записывал лишь короткие истории и курьезные случаи из геологической жизни, оформляя их в виде маленьких новелл, но потом рассчитывал, нанизывать их на сюжетную нить рассказов и повестей, чтобы получилось ожерелье маленьких новелл.

– Анатолий, очнись, – Федор тронул меня за плечо, – а такое видел? – Он показал на широкий подоконник, заставленный черными скульптурными фигурками людей и зверей, которые я не заметил на фоне темного окна. – Это художественное каслинское литье, есть такой город Касли в Челябинской области, слышал?

– Нет, – честно ответил я.

Две фигурки были мне знакомы, чугунные статуэтки Дон-Кихота и черта стояли в кабинете научных сотрудников нашей кафедры, работавших на Урале.

Слева и справа на подоконнике располагались фигуры лошадей. Одна из них была копией конской скульптуры «укрощение коня» Петра Клодта, на Аничковом мосту в Ленинграде, напротив дворца Белосельских-Белозерских.

– Коллекционированием никогда не увлекался, – рассказал Федор, – но в сувенирном магазине случайно купил вот этого чертика. Сказали, что статуэтка не пускает в дом настоящих чертей, но именно этот черт меня и попутал. В Челябинске увидел фигурки лошадей, дорогие, но не удержался, купил. Посетил каслинский музей художественного литья. Сам музей убогий одноэтажный домик, а внутри такое, дух захватывает. Много интересных скульптур, копии мировых шедевров и современные композиции. Чугунное литье передает тончайшие детали, благодаря уникальности каслинских формовочных песков, и, конечно, непревзойденное мастерство заводских литейщиков, граверов и чеканщиков. Обязательно посетите этот музей, не пожалеете.

– А это что за скульптура, в центре композиции

– В музее увидел скульптуру «Россия», и она меня просто околдовала. Аллегория выполнена в виде красивой, статной и мужественной женщины-воительницы, одетой в кольчугу, в одной руке она держит щит, показывая, что держава, скипетр и корона Российской империи под надёжной защитой, в другой руке меч, но он приспущен, и демонстрирует, что страна — не агрессор, но может за себя постоять. На груди женщины висит крест, олицетворяющий православную Россию.

– Я даже не слышал о существовании такой скульптуры.

– Композиция «Россия» была представлена в 1900 году на Всемирной Парижской выставке, где её хотел приобрести президент Франции Эмиль Лубо, но сделка не удалась, ответ владельцев был короток: «Россия не продаётся!».

– А кто автор?

– Лаверецкий Николай Акимович – русский скульптор, академик Императорской Академии Художеств.

– Как же вы ее купили, и сколько она стоит?

– Это целая история. В магазинах копий на продажу в тот момент не оказалось, и на заводе архитектурно-художественного литья мне дали адрес одного мастера чеканщика, у которого, после неудачной пробной отливки, осталась бракованная уменьшенная копия знаменитой скульптуры. За отреставрированную отливку он запросил хорошую цену в полторы моей месячной зарплаты. У меня с собой таких денег не было, а статуэтку хотелось забрать сразу.

Поверил мне, как ветерану, что сразу же верну ему всю сумму телеграфным переводом.

– Интересно, как жена отреагировала на вашу покупку.

– Промолчала, даже когда увидела, что я достаю из тумбочки деньги. Потом, уже через месяц, я спросил, осуждает ли она мой поступок. Она ответила, что никогда, ни за что меня не осуждала.

– Да, сила изобразительного искусства сводит людей с ума. У нас на геологическом факультете учился немецкий студент Ганс Хофман из ГДР, скромный, добрый, прилежный. За пять лет проживания в общежитии с советскими студентами совсем обрусел, и женился на русской девушке. После окончания университета они уехали жить в Германию. Супруга в письмах жаловалась подругам, что немецкая семья вовсе не бедная, имеет свой дом в пригороде Берлина, но очень скопидомная, каждый пфенниг на учете. Вскоре Гансу посчастливилось заключить выгодный двухлетний контракт на геологические работы в одной африканской стране, и за первый год заработать приличные деньги, чем порадовал своих бережливых родителей. Он рассказал, что страна очень бедная, товаров почти нет, и люди не могут купить себе даже зубные щетки. Перед отъездом на второй срок родственники собрали ему два чемодана разного мелкого товара, рассчитывая пожить за счет колониальной торговли, как во времена средневековья. После окончания контракта Ганс с приличной суммой денег возвращался домой, и в аэропорту зашел в магазин сувениров купить родственникам какие-нибудь мелкие экзотические подарки. И увидел большую статуэтку африканского божка, искусно вырезанную из черного дерева. Под влиянием магии Вуду он, не торгуясь, купил статуэтку, потратив все заработанные деньги. Потом не мог толком объяснить, зачем он это сделал. Когда родители узнали, что на покупку божка истрачена годовая зарплата, у отца случился сердечный приступ, а у матери анафилактический шок от запаха, исходившего от статуэтки. Родственники тоже были в шоке, но все-таки спросили, как успешно он распорядился

«колониальным» товаром, в надежде, что вырученные от продажи деньги не были истрачены.

«Да, спасибо, на другой день после приезда я сразу все раздал людям», – невозмутимо ответил Ганс.

И только русская жена оставалась невозмутимой. Статуэтку африканского божка сдали в комиссионный магазин, но вернули только половину истраченной суммы. После чего, молодые с ребенком вернулись жить в Россию.

– А теперь садись в это кресло устрою тебе представление, – Федор выключил свет и зажег свечи в двух чугунных канделябрах. Они осветили композицию миниатюрных скульптур с полуметровой статуей «Россия» в центре. Зрелище было необыкновенным, блестящий чугун сорта «голландская сажа» мягко отражал мерцающий свет, и, казалось, что фигурки двигаются в полумраке.

– Заметил, фигурки танцуют!? Уже завещал детям, после моей смерти передать все скульптуры, кроме фигурки черта, в краеведческий музей города Сатка.

– Почему же чертика оставляете?

– Черт в музее уже есть, а внукам он очень понравился, и даже собирался еще одного купить.

– Я тоже хочу купить себе такого чертика. Он продается в сувенирном магазине в Сатке?

– Да, очень ходкий товар, почти в каждом доме есть, злобных чертей отгоняет. А вот это гордость моей библиотеки, – Федор подошел к стеллажу, – «История России с древнейших времен», Соловьева, в 15 томах. Всегда мечтал, выйду на пенсию, сяду в кресло, и, не спеша, прочту все пятнадцать книг.

– Уже прочли?

– Еще нет, времени не хватает, но читаю.

– А еще, какие книги любите?

– «Библиотека современной фантастики» — подписное издание в 25 томах. Мое целиком сгорело, а это уже здесь собрал, отдельные книги в букинистическом магазине выкупал. Два раза перечитал. Спасибо Ивану Ефремову за инициативу

выпуска этого собрания. Здесь у меня военные мемуары, книги о войне. Роман Владимира Богомолова «В августе 44-го», иногда открою на любом месте и не оторваться, читаю до конца. Художественную литературу тоже люблю, благодаря книгам можно путешествовать во времени, побывать в разных странах, и даже на других планетах, прожить сотни жизней, страдать, любить, ненавидеть, умирать, и обогащаться чужим опытом.

– Только в литературных сочинениях всегда есть доля вымысла.

– Ну и что? Оскар Уайд утверждал, что театр гораздо реалистичнее жизни. Свои книги перечитал, и жду посылку от друга Михаила. Он после пожара переехал с семьей на полустанок в Южной Карелии. Там, в одном небольшом поселке закрыли библиотеку, а в освободившемся помещении кооператоры оборудовали кафе, и стали продавать в розлив ликер «Амаретта» и сигареты «Винстон» по шесть рублей пачка, это как шестьдесят пачек наших дешевых сигарет «Памир». В условиях нынешнего дефицита мужики туда ходят, пьют этот суррогатный ликер польского производства, и курят американские сигареты, неизвестного происхождения.

Книги со штампами библиотеки стали продавать на улице всем желающим, за копейки, а собрания сочинений классиков марксизма-ленинизма отдавали, чуть ли не даром. Хорошо еще, что сжигать не стали, как это сделали фашисты в семидесяти городах Германии. Михаил вывез две телеги книг классиков, все философские трактаты и подшивки старых литературных журналов, послал мне в подарок несколько ящиков малой скоростью. Теперь и у меня будет возможность «крыться в книгах», вот, приготовил еще два стеллажа для книг из Карелии.

– А какую современную литературу читаете?

– Литературные журналы не выписываю, то, что они теперь наперебой печатают, можно назвать злобными антисоветскими и антиросийскими пасквилями. Нынче в моде писатель Владимир Набоков, которого раньше не жаловали, а теперь печатают наперебой, и я решил познакомиться с его

романами. Послушай, что о нем с большой симпатией пишут в журнале Урал, – Федор раскрыл тетрадь с конспектом и прочитал: – «непоколебимый русский патриот, до конца не утративший душевных связей с оставленной в ранней молодости родиной, выдающийся продолжатель демократических традиций отечественной культуры». Каково? Прямо русский интеллигент, за что же, думаю, его не жаловали как писателя, и даже Нобелевскую премию по литературе не присвоили четыре раза. Смотрим дальше, – Федор перевернул страницу своего конспекта, – «Набоков высокомерно-презрительно отзывается о Хемингуэе, цинично иронизирует над «картонными тихими донцами», и мечтает, что «явится смельчак с молотком и хорошенько трахнет по Бальзаку, Горькому, Томасу Манну». Дальше, в публикуемом романе «Дар» «смельчак с молотком» по-хамски, карикатурно-оскорбительно изображает Н.Г. Чернышевского. Даже белоэмигрантский журнал «Современные записки», в котором роман «Дар», был впервые опубликован в 1937 году, не решился напечатать четвертую, самую гнусную главу. Американская писательница Джойс Кэрол очень точно охарактеризовала творчество Набокова, – Федор перевернул еще одну страницу конспекта, и процитировал: – «Набокову присуща совершенно удивительная способность ненавидеть – ничего равного ей в серьезной литературе не найти». И я прочитать роман полностью не смог, чувствуется в нем внутренняя злоба и спесь.

– Вообще-то набоковский «смельчак с молотком», который начинал с разгрома мировой литературы, уже был в истории, его звали Адольф Гитлер.

– Видимо, дело опять идет к фашизму, – вздохнул Федор, – сейчас партийные бонзы в прибалтийских и закавказских республиках на волне национализма срочно переодеваются чтобы остаться у власти, и демонстрируют, что они, как редиски, только сверху красные, а внутри насквозь белые. А потом в отколовшихся республиках и странах «народной демократии» к власти приведут гаулятеров. Вот эти

«набоковские смельчаки», непременно «трахнут молотком» не только по литературе, но и по русскому языку, истории, культуре, человеческой нравственности, и даже религии. А еще, во имя демократии, станут убивать не согласных с ними людей, как в Корее или Вьетнаме. Для олигархии и охлократии война всегда была одним из главных способов обогащения, – Федор глубоко вдохнул, и стал растирать ладонью левую сторону груди.

– Будем надеяться, что так далеко демократия не зайдет, – я решил уйти от волнительной политической темы, – замечательный у вас кабинет, страшно завидую.

– Это еще не все, теперь пойдем в мой домашний планетарий, покажу тебе звездное небо, планеты и астероиды.

По скрипучей лестнице мы поднялись на чердак. Федор зажег настольную лампу. В центре на массивной треноге стоял телескоп рефрактор.

– Дети подарили на день рождения, он увеличивает в сто раз. В этот телескоп можно рассмотреть все планеты солнечной системы. Меркурий выглядит просто как крохотный серпик. Венера самый яркий объект на небе после Солнца и Луны, но она покрыта однородным слоем облаков. Луна вообще не помещается в поле зрения окуляра, зато отлично видны метеоритные кратеры и моря.

Федор раздвинул ставни на одном из скатов крыши, и стал наводить прибор на различные участки неба. Впервые в жизни я вживую рассматривал планеты Солнечной системы. Вот уж не думал, что буду учиться практической астрономии у путевого обходчика.

– Всегда мечтал увидеть Туманность Андромеды, покажите, где она расположена на небосводе, – попросил я,

Федор склонился над окуляром и навел телескоп на созвездие Андромеды.

– На, смотри, медленно вращай этот ролик против часовой стрелки, и слева в поле зрения увидишь галактику.

Туманность Андромеды выглядела не так эффектно как на фотографиях, сделанных при помощи современных мощных телескопов, крошечное, размытое, слегка вытянутое облачко с ярким пятнышком в центре, около нее с трудом можно было различить две галактики-спутники. Я такого не ожидал, но свое разочарование показывать не стал.

– Все, что мы видим на небе, это прошлое. Свет проходит путь от галактики Андромеды до Земли за два миллиона лет, представляешь?

– В те времена в земных морях еще плавали гигантские мегалодоны – акулы способные перекусить кита, по перешейку Берингии между Чукоткой и Северной Америкой двигались вереницы животных, а в Африке появились прямоходящие гоминиды, которым суждено было стать разумными людьми.

– Астрономы предсказывают грядущее столкновение Млечного пути с галактикой Андромеды.

– Да, но случится это через пять миллиардов лет, когда Солнце взорвется и, превратившись в сверхновую звезду, поглотит нашу Землю своей раскаленной оболочкой.

– Как ты думаешь, в те будущие времена человеческая цивилизация еще будет существовать? А люди, они останутся такими же или превратятся во что-то невообразимо новое?

– Константин Эдуардович Циолковский вообразил, что в далеком будущем появятся существа, которые будут представлять собой сгустки энергии – лучи, не замкнутые в физическом теле. Они будут обладать развитым сознанием, обитать в других измерениях, и не зависеть от силы гравитации. Он назвал их «Лучистое население Земли».

– Циолковский гений, отец космонавтики, точно предсказал космические полеты, неужели действительно все так и будет?

– При всем уважении к идеям Циолковского, я не разделяю его точку зрения. Люди, конечно, будут видоизменяться, так же, как они изменялись со времен древних обезьян, австралопитеков и неандертальцев, но при этом они сохранят свою физическую и

духовную сущность, а не превратятся в «лучи, не замкнутые в физическом теле». По законам эволюции материи человеческая цивилизация преодолеет социальный рубеж алчности, и будет существовать потенциально бесконечно. В будущем она может и должна объединиться с внеземными сообществами, и образовать новую, галактическую форму Материи, а когда к нам присоединится галактика Андромеды со своими цивилизациями, возникнут новые, уже межгалактические сообщества.

Внезапно, через созвездие Андромеды пронесся рой падающих метеоров.

– Это Персеиды, метеорный поток – воскликнул Федор, – Земля походит через шлейф пылевых частиц, выпущенных кометой Свифта. Видимо это начало звездного дождя, и сейчас пойдет основной поток, главный пик уже прошел 12 августа, но отдельные порции можно наблюдать до первого сентября. Мельчайшие частицы, размером с песчинку, сгорают в земной атмосфере, образуя звездный дождь, он появляется со стороны созвездия Персея. Жаль, что частицы слишком быстро сгорают, и невозможно успеть загадать даже крохотное желание.

– Значит, мне повезло. В молодости, когда я уже сдал вступительные экзамены в университет, но до первого сентября продолжал работать слесарем в автопарке. В ночную смену, отдыхая в кузове прицепа, лежал и смотрел в ночное небо, и тут начался звездный дождь, один метеор горел так долго, что я успел загадать желание – быть зачисленным в университет, и оно сбылось, определив всю мою жизнь.

– Как говорят китайцы: «Хорошим людям и небо помогает!»

Метеоры летели пучками, словно брызги звездного дождя, оживляя картину звездного неба. Полулежа в креслах, мы несколько минут наблюдали звездный дождь.

– Смотрю я на звездное небо и размышляю, – задумчиво произнес Федор, – как огромен мир, звезды раскалены до миллионов градусов, между ними космический холод, безжизненные каменные планеты и газовые гиганты, и только

наша Земля с морями и океанами, даже в космосе выглядит как драгоценная голубая жемчужина. Страшно, что жизнь человечества зависит от горстки подлых, наглых, лживых и алчных людей. Откуда они появились, когда все религии призывают людей к миру, добру, любви и милосердию? И, наконец, пришел к мысли, что это вовсе не люди, а злобные инопланетные существа – гоблины. Их задача уничтожить человечество, и поработить нашу планету, они уже захватили основное богатство и, с помощью продажных вассалов управляют миром. Уверен, что только соблюдение людьми моральных и духовных общечеловеческих заповедей позволяет человечеству уже тысячелетия сопротивляться инопланетной экспансии и выживать.

– Интересная мысль. По крайней мере, это может быть сюжетом для научно-фантастического рассказа в раздел фантастики журнала Уральский следопыт.

– Тогда я напишу такой рассказ и поделюсь с людьми своими мыслями. И напомним слова Юлиуса Фучика: «Люди, будьте бдительны!»

***

На следующий год поздней осенью со станции Речная пришла скорбная весть – остановилось сердце Федора Ивановича. Не перенес ветеран предательство и разгром Родины, за которую сражались и погибли миллионы советских людей. Умер он, лежа в телеге на луговине, глядя в белесое осеннее небо, под печальные крики улетающих на юг гусей и журавлей. Светлая ему память. Но такие герои будут вечно жить в памяти людей, и служить примером для потомков.

В конце письма была приписка:

«Анюта три дня лежала неподвижно, и перестала разговаривать, думали, умрет. На похороны отца приехали сыновья и внуки, старались привести ее в чувство, но только когда появились внучки, она ожила. Вместе с ними уехала жить в Хабаровск. Новогодняя сказка с козликами состоялась, но потом к весне косуль перестреляли браконьеры. Серая шейка

поправилась, и весной улетела с утками на Север. Мартин обзавелся семьей, ему купили дородную гусыню, и теперь они важно плавают на реке с выводком гусят, а ночуют в отдельном домике, который успел построить Федор. Пашка живет на станции и ужасно скучает, заходишь к нему в конюшню, а он смотрит не на тебя, а на вход, ожидает друга.

У нас родился сын, назвали Федором. Приезжайте в гости.

До свидания,

Виктор, Ирина, Анна и Федор. Привет от Марии и Пашки».